ПИОНЕР

№ 13

П 29
34

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1934 г.

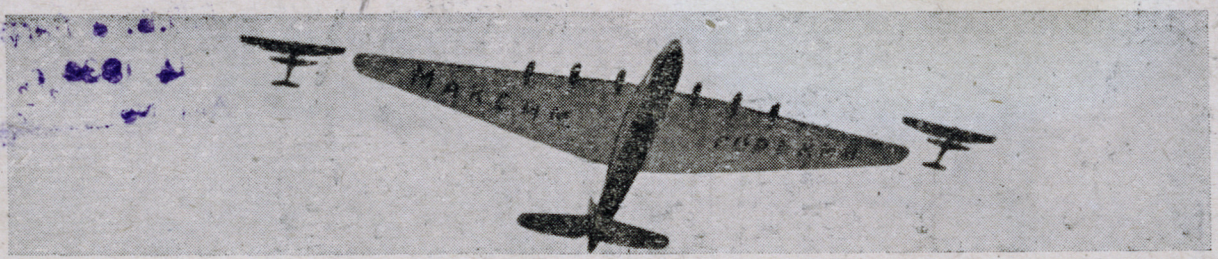
К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 13

Июль 1934

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, Тел. 5-60-76.

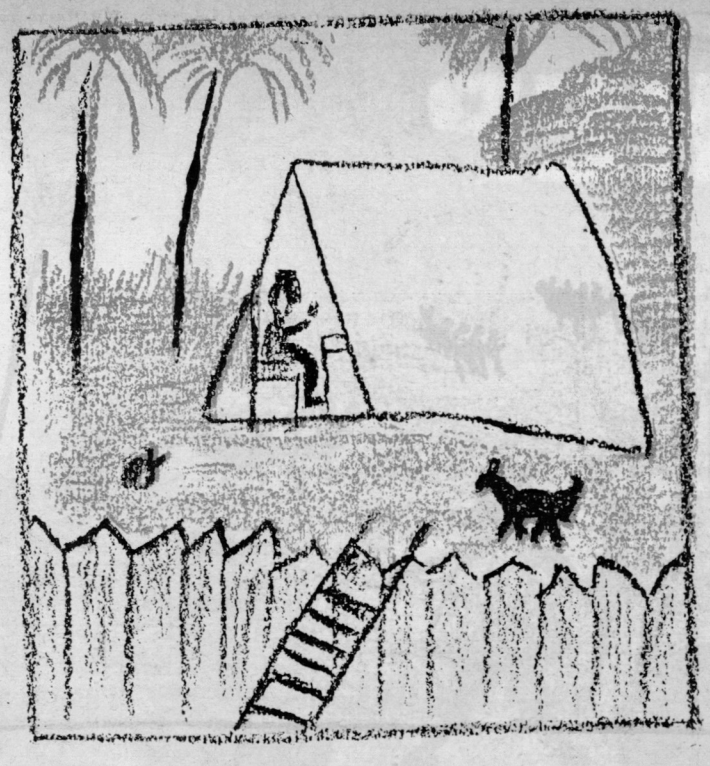


Москва встречает смелых людей Арктики

Самый большой самолет в мире „Максим Горький" первый своим полетом приветствовал челюскинцев. Как он велик, можно судить по двум самолетам, которые его сопровождают. Они ведь тоже не маленькие.

Москва первый раз видела автомобили в цветах, цветами, огромными плакатами, парадом Красной армии, веселой многолюдной демонстрацией встретила челюскинцев Москва.
На мостовой листовки, сброшенные с самолета.

П 29
34



Г.П.Б. • Лнгр.
Ц 1934 г.
Акт № 588

Робинзон окружил свое жилище частоколом из заостренных кольев. Как-то раз он подстрелил в ногу дикого козленка, принес его к себе и вылечил. Козленок вырос и стал ручным. А кошку Робинзон спас с разбитого корабля.

РОБИНЗОН КРУЗО

А. К. Покровская рассказывает о самой любимой книге мальчиков всего мира. Рисунки тоже нарисованы мальчиком-американцем. Они были выставлены на Международной выставке детского рисунка в Москве.

В те времена многие берега и острова были еще никем не открыты. И морские плавания были тогда полны приключений.

Широкобокие трехмачтовые корабли — галиоты — под флагами разных морских держав, всего больше английские, голландские и испанские, уплывали в далекие страны: в Америку за хлопком, сахаром и табаком; к тихоокеанским островам — за пряностями; в Индию — за шелками и самоцветами; и к африканским берегам — за золотом, слоновой костью и за неграми, живым товаром для американских плантаций.

На бортах купеческих кораблей стояли пушки.

А капитаны их поверх камзолов из тонкого сукна носили за поясом тяжелые старинные пистолеты.

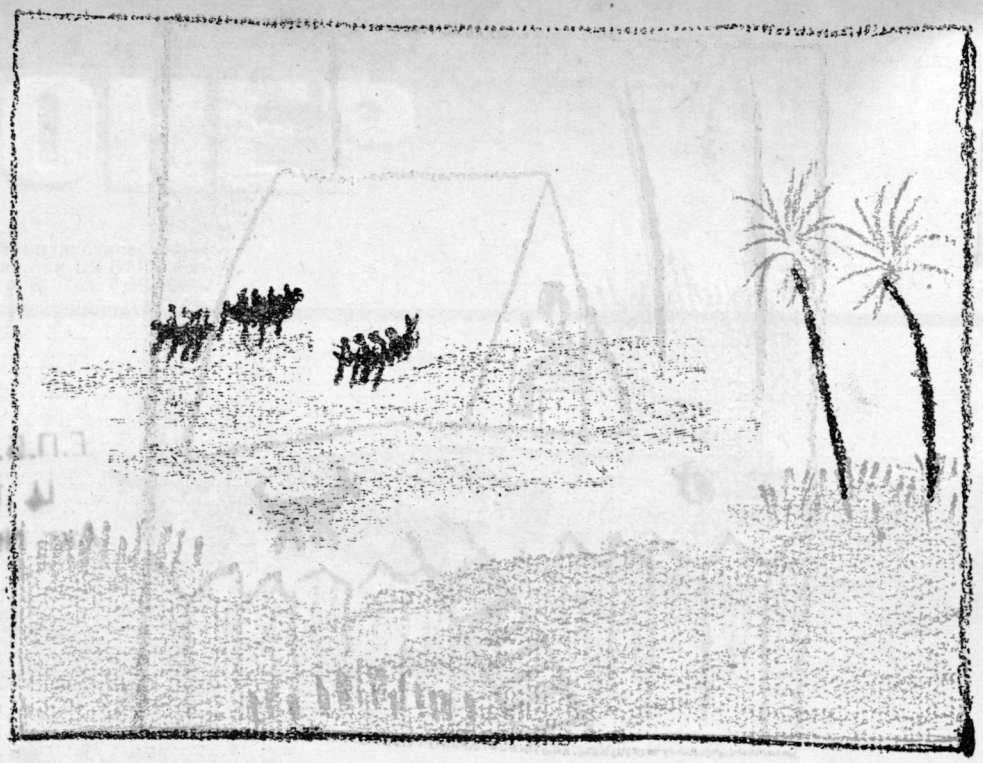
Отовсюду угрожали опасности: туманы и бури, тайные мели и подводные рифы, морские разбойники и племена людоедов.

Вот с драгоценным грузом в трюме плывет неуклюжий купеческий галиот. Вдруг откуда ни возьмись легкая стройная бригантина догоняет его на всех парусах. Зловещий черный флаг — знамя пиратов — взвился на ее вымпеле. Борт с бортом сцепились корабли, и команда «купца» сдается под натиском смелых пиратов. Матросы, связанные по рукам и ногам, брошены в трюм бригантины, а обгорелый остов ограбленного галиота плывет по воле волн, и вместо флага на его мачте качается труп капитана.

Команда европейских кораблей не знала жалости к туземцам: без пощады грабили, истребляли, хватали в рабство «дикарей», как называли европейцы обитателей тихоокеанских и африканских прибрежий.

Но если налетит корабль на подводный камень у берегов неведомого острова, как стая голодных акул закружатся вокруг погибающего судна быстрые пироги темнокожих туземцев, и те, кому удалось спастись из пучины моря, попадают в страшный плен. Их поджаренные тела пожирают на своем пиршестве людоеды.

Однажды, это было в 1705 г., английское торговое судно стало на якорь около маленького необитаемого островка, вблизи берегов Чили. Спустили шлюпку. Высадили на берег одного человека, вы-



Однажды, исследуя остров, Робинзон увидал на песке свежий след человеческой ноги. С тех пор он стал очень осторожен. Раз, взобравшись на высокую скалу, он увидел, как несколько пирог, наполненных чернокожими, приближаются к берегу.

грузили мушкетон, порох, пули, запас провианта — и шлюпка вернулась к кораблю. А корабль поднял якорь и уплыл в открытое море.

Человек остался один. Только дикие козы паслись на зеленых склонах гор.

Почти через пять лет английский капитан Роджерс плыл на своем корабле в тех морях и вдруг заметил человека на совершенно пустынном острове.

Человека взяли на корабль и с трудом узнали, что зовут его Селькирк, что он матрос, поссорившийся со своим капитаном и высаженный сюда четыре с лишком года назад.

Селькирк одичал. Он разучился говорить. Он боялся людей. Когда его привезли в Лондон, его стали показывать как редкое чудо.

О Селькирке много говорили тогда и много писали.

В то время жил в Лондоне один замечательный человек. Он был фабрикантом трикотажных изделий, и политическим деятелем, и журналистом, и сочинителем книг. Его звали Даниэль Дефо. Он тоже заинтересовался Селькирком.

Прошло шесть лет.

Однажды, в субботу 25 апреля 1719 г., в витринах лондонских книжных магазинов появилась новая книга с очень длинным, необыкновенно завлекательным заглавием: «*Жизнь и необычайные и поразительные приключения Робинзона Крузо из Йорка, моряка, который прожил двадцать восемь лет в полном одиночестве на пустынном острове у американского побережья, близ устья великой реки Ориноко, будучи выброшенным на берег кораблекрушением, в котором погиб весь экипаж, исключая его одного. С прибавлением рассказа о не менее удивительном способе, каким в конце концов его освободили пираты*».

Всем захотелось прочитать такую книгу. Ее сейчас же раскупили. Издатель нажил большие деньги. Он выпускал ее все новыми изданиями.

Успех книги был необыкновенным.

Читатели принимали сочиненные Дефо приключения Робинзона за действительные происшествия, за чистую правду.

Книга в самом деле была написана очень правдоподобно. Указывалось точно место и время, где и когда родился Робинзон, когда и куда он плавал, все события в его жизни были помечены годом и числом месяца. Робинзон с точностью перечисляет всю провизию, все предметы, которые ему удалось спасти с разбитого корабля. Он так подробно рассказывает о своих мыслях и делах: об устройстве жилища, о постройке изгороди, о разных своих работах,— как может это рассказать только человек, изо дня в день ведущий свой дневник.

Благодаря такой подлинной правдоподобности во всех мелочах жизни Робинзона никто не замечал, что приключения Робинзона неправдоподобны в самом главном.

Ведь если Селькирк меньше чем за пять лет полного одиночества превратился в настоящего дикаря и разучился разговарить по-человечески, то как же Робинзон, проживши 20 лет в полном одиночестве и только последние годы в обществе дикаря, Пятницы, не только не одичал и не расстроил своего душевного здоровья, а, наоборот, сделался гораздо умнее, образованнее, человечнее, лучше во всех отношениях, чем он был прежде?

Людоеды приплывали на остров и устраивали здесь свои пиршества. В этот раз, пока они убивали одного пленника, другой, молодой, убежал, и Робинзон помог ему спастись от ужасной смерти. Так приобрел Робинзон верного друга, Пятницу.

Читатели не замечали, что Пятница, молодой дикарь, спасенный Робинзоном от людоедов и сделавшийся его преданным слугой и другом, совсем непохож на настоящих туземцев тихоокеанских островов, а изображен каким-то необыкновенным существом с прекрасным лицом и с добродетельной душой.

Никто не хотел обращать внимания на эти несообразности. Робинзоном зачитывались тогда с жадностью взрослые люди.

Все хотели знать, что же случилось с Робинзоном после того, как он вернулся в Англию.

И Дефо пришлось сочинить и «*Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни и захватывающие изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим*».

Во второй части Робинзон вместе с Пятницей снова едет на свой остров, где они оставили потерпевших крушение матросов. На остров нападают дикари и в сражении убивают Пятницу.

После этого Робинзон отправляется в дальнейшие путешествия.

Он побывал на острове Мадагаскаре, в Индии, в Китае, а оттуда поехал в Сибирь и в Московское царство, доехал до Архангельска, сел на корабль и возвратился в Англию, в родной город Йорк, где и умер в глубокой старости.

Любопытно, как английский писатель триста лет тому назад описывает путешествие по Московскому царству.

Но вторая часть приключений Робинзона гораздо скучнее первой. В ней слишком много скучных рассуждений и неправдоподобных приключений.

И самой скучной оказалась третья часть: «*Серьезные мысли, передуманные Робинзоном в течение жизни*». Ее никто не хотел читать. Ее не стали и переводить на другие языки. В русском переводе третья часть Робинзона никогда не была напечатана.

Первые две части Робинзона были сразу переведены на немецкий и на французский языки. На русский язык Робинзон был переведен гораздо позднее.

Знаменитый французский писатель-педагог, Жан-Жак Руссо, писал, что, воспитывая мальчика, он дал бы ему читать только одну книгу — «Приключения Робинзона Крузо».

И действительно, эта книга стала любимым чтением всех мальчиков всего мира. Девочки тоже любят ее. Но мальчики любят ее гораздо больше.

И теперь, в наше время, когда проводят анкеты среди ребят и спрашивают их, какая, по их мнению, самая интересная книга, огромное большинство мальчиков в возрасте от 10 до 12 лет отвечает одинаково: «Самая интересная из всех книг — это приключения Робинзона Крузо».

ТРИ ПИСЬМА

Рассказ Р. Фраермана *Рис. Ф. Полищук*

В большой квадратной комнате, чисто выбеленной и до половины выкрашенной розовой масляной краской, сидят за столом дети.

Их трое: Таня, девочка лет десяти, с тонкой шеей, с тонкими стриженными волосами, прихваченными гребешком, Митя, брат ее, девятилетний краснощекий мальчик, и Коля Дименков, сын соседки.

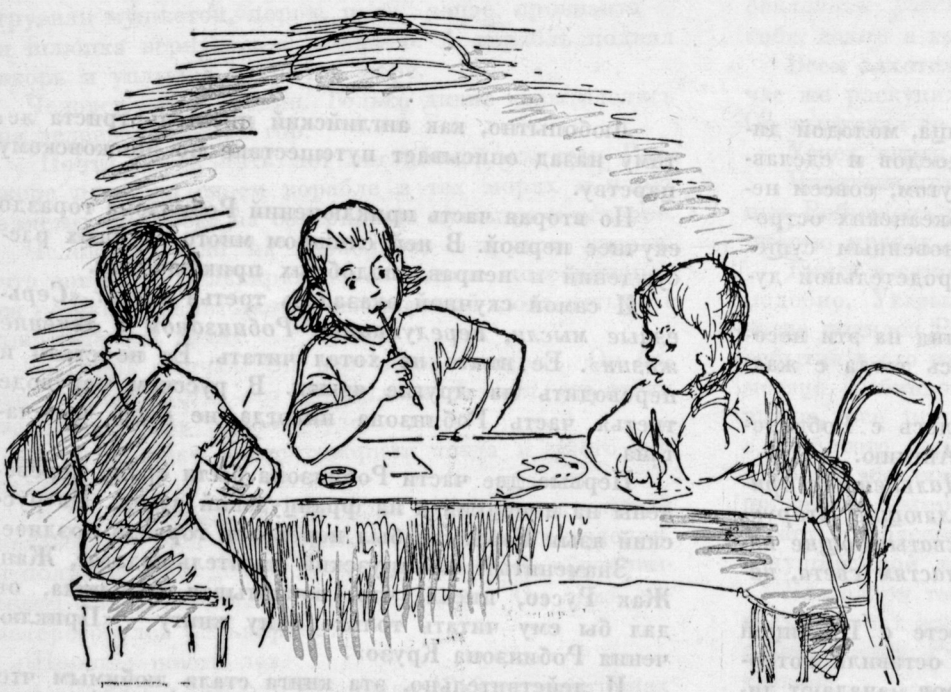
Лампа под большим абажуром освещает покрытый клеенкой стол, буфет с тарелками и две детских кровати в углу. На стене тикают ходики со стеклянной гирей. Они показывают десять часов.

Дети сидят тихо, занятые делом, необычным в столь поздний для них час. Они пишут...

Кроме тиканья часов слышно еще, как в соседней комнате скрипит стулом и покашливает отец Мити и Тани, инженер Малышев. Матери нет. Вчера она уехала в дом отдыха.

Дети серьезны и немного взволнованны. Они пишут письма Димитрову. Только Митя изредка улыбается и, подперев изнутри щеку языком, щурит глаза на бумагу. Ему нравится то, что он написал. Он поэт и художник, а в душе еще большой задира, несмотря на добродушное выражение его румяного лица, на котором длинные ресницы лежат как тень.

На столе возле Мити валяются краски, сломанная кисточка и газета с фельетоном Кольцова. Митя уже



Дети серьезны и немного взволнованны. Они пишут письма Димитрову...

вычитал оттуда все, что ему нужно, и теперь любуется собственной работой. Четвертушка, вырванная из тетради, разделена пополам. На одной половине, в уголке, нарисован кривой домик с фашистским флагом, а подальше—самолет, кремлевская стена с зубцами, обведенными золотом.

На другой половине стихи:

«Летит стальная птица
С трюмя неизвестными,
Цифра подходящая.
Летит в Москву.
Они или нет?
Ура, ура! Они, они».

Все бы хорошо. Одно смущает Митю, правильно ли он написал с «трюмя». Он подмигивает Тане, подзывает ее и спрашивает шопотом, так, чтобы не слышал Коля Дименков, с которым он в группе соревнуется по письму. Но Таня тоже не знает. А большие серые уши Коли все слышат.

— С тремя, а не с «трюмя»,—говорит он презрительно.

Презрения его Митя не выносит. Он оставляет так, как написал, и сердито замечает:

— Не тебя спрашивают. Я сам знаю, как лучше.

— Нет, не лучше.

— А ты политически неграмотный.

— И вовсе не так. Ты врешь.

— Я вру?!—Глаза у Мити загораются. Ему хочется подраться. Еле сдерживая себя, Митя опускает голову и снова берется за письмо. Но спор с Колей меняет весь строй его мыслей. Стихов уже не хочется писать. Зато воображение рисует ему другое. Он смотрит на кривой домик, нарисованный им, и видит каменный зал с тюремными решотками. На холодном полу босиком, что очень вредно (сколько раз мама говорила об этом), стоят Димитров, Танев и Попов, окруженные фашистами. Кровь струится по лицу Димитрова. Жалость и гнев подымаются из глубины митиного сердца. Он морщится, губы его начинают дрожать, ибо Димитров — это он сам, Митя Малышев, бесстрашный и мужественный революционер, стоит босиком на каменном полу.

И Митя пишет, не обращая больше внимания на грамматику:

«Дядя Димитров! Я все следил по газетам, которые папа и мама читали коллективно, о вашем прилете в Москву и как вы работали за дело рабочих. И как эти проклятые буржуи вас мучили. Честное слово, дядя Димитров, если я поймал бы хоть одного из них, я убил бы его на месте...»

Митя ставит несколько точек и значительно поглядывает на Колю Дименкова.

Тот сидит прямо, положив локти на стол. На широком, малокровном лице его недетская сухость. Узкие глаза смотрят на бумагу озабоченно. Волосы гладко зачесаны, красный галстук акуратно повязан.

Член многих комиссий и кружков, он бережет вре-

мя и старательно сокращает слова. Четвертушку бумаги, которую дала ему Таня, он разрезал пополам и одну половину отдал обратно. Ему знакома экономия. Мать нередко посылает его в кооператив, и он знает, по какому талону выдают рис и по какому манную. Поэтому к взрослым он относится как к равным, даже чувствует над ними некоторое превосходство.

К Димитрову он тоже относится покровительственно. Он доволен его поведением на суде, но считает, что он—Коля Дименков—поступил бы точно так же.

На его четвертушке уже написано:

«Да здравствует интернационал!»

Коля трет ладонью нос и задумывается. Он долго смотрит в окно: кажется, что лампа с абажуром висит над темной улицей.

Ему хочется написать привет Димитрову от отца и матери. Но отец живет не с ними, а на другом конце города, и приходит очень редко, раза два в год. Коля уже кое-что понимает, как и почему это случилось, и при мысли об отце в глазах его, кроме озабоченности, появляется еще выражение грусти и недовольства.

Коля решительно макает перо в чернильницу и пишет:

«Тов. Димитров! Дорогой привет от пионера Коли Дименкова, что ты освободился от рук фашизма,—и, подумав немного, добавляет,—а также от отца и мамы. Напиши вкратце, как ты перенес ту жизнь. Приветствую тебя—нашего подданного СССР».

Коля перечитывает свое письмо и находит его удачным. Но чтобы Димитров как-нибудь не спутал отца с матерью, он ставит между ними запятую.

Затем подписывает свое имя и говорит Тане:

— А я кончил.

— Я тоже кончил,—замечает Митя.

— Уже кончили!

Таня волнуется, водит по волосам гребешком и поминутно тянется к чернильнице, но пока еще ничего не написала. В сердце ее теснится множество чувств: и нежность к героям, и радость за их освобождение, и гордость за всех коммунистов, и желание увидеть товарища Димитрова.

— Ах, что же я не пишу,—говорит она и наконец склоняется над бумагой.

«Извините, дядя Димитров,—пишет она,—что я запоздала со своим приветствием, так как была больна. Если б вы знали, сколько я перенесла волнений, потому что папа поздно приходит с завода и газеты приносит только вечером. Дядя Димитров, я очень хотела бы вас видеть и хотела бы, чтобы вы приехали к нам. Если вы заняты и не можете приехать, так я хотела бы с вами переписываться. А когда я вырасту, я приеду к вам. Когда будете писать, то наш адрес: Днепропетровск, Пролетарская улица, дом 57, кв. 6, звонить три раза».

— И я написала!—кричит Таня, вскакивая со стула и возбужденно сверкая глазами.—Хотите, прочту вслух.

И дети читают вслух свои письма.

Пока все идет хорошо. Но когда Таня доходит до того, сколько раз звонить, Коля Дименков делает обиженное лицо:

— Почему три раза, а не два? К нам два раза звонить. Пусть будет наш адрес, если коллективно.

— Потому что нас больше,—говорит торжествующе Митя.

Коля закрывает чернильницу. Это приводит Митю в ярость.

— Нет, нас больше, я написал привет от отца и мамы, а ты нет. Нас, значит, трое, а вас двое.

В первое мгновение неумолимая арифметика приводит Митю в смятение.

Таня тоже растеряна и молча смотрит на Колю. Потом Митя начинает хмуриться и сопеть.

— Я тоже могу написать привет от папы и мамы.

— Нет, теперь нельзя, уже кончено,—настойчиво говорит Коля.

— Почему нельзя?—Митя хмурится еще больше и тянется к чернильнице.

Но Коля закрывает чернильницу рукой. Это приводит Митю в ярость. Он краснеет, поднимает свой маленький пухлый кулак и опускает его на колину голову.

Неожиданно для него самого плачет не Коля, а Таня. Она стучит ногами и пронзительно кричит:

— Разве можно пионерам драться?! Папа, иди скорей сюда!

В дверях кабинета появляется отец без пиджака, в подтяжках, с логарифмической линейкой в руках.

— Что тут у вас происходит?

Мальчики стихают и садятся каждый на свое место. Митя теперь беспрепятственно набирает чернил на перо, чтобы написать привет от отца, но ставит большую кляксу. Он быстро слизывает кляксу языком и плюет на пол.

— Что ты делаешь, Митя?—с испугом говорит отец.—Ведь чернила анилиновые. Ты можешь отравиться.

Митя мгновенно бледнеет. На бледном лице его вымазанный чернилами рот кажется страшным.

— Что же ты мне раньше не сказал?—говорит он хрипло.—Теперь я скоро умру.

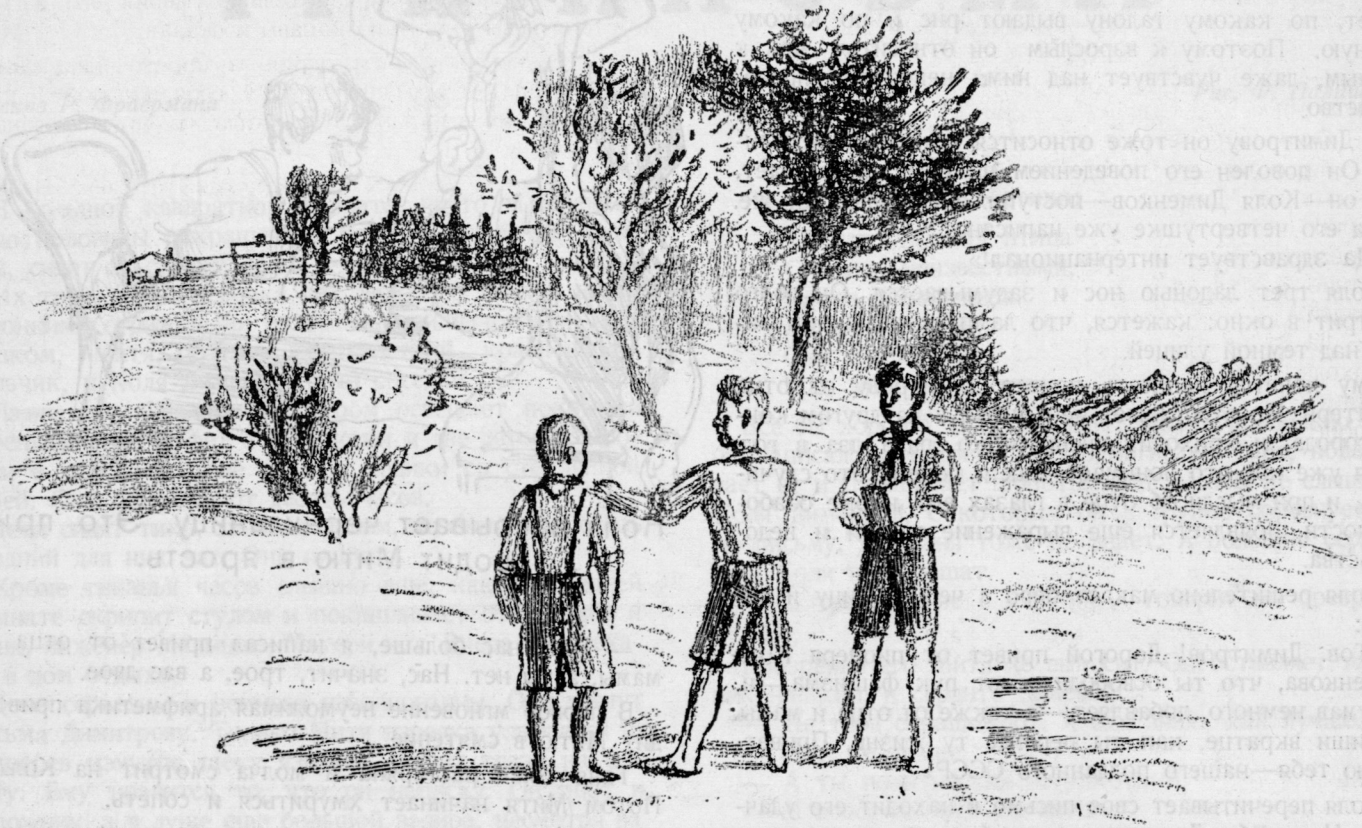
Таня и Коля смотрят на него с ужасом. Они тоже бледны и неподвижны.

Но Митя вдруг вспоминает: не он ли только что вместо Димитрова стоял босиком на каменном полу, готовый к борьбе и мученьям?

Митя широко открывает глаза, машет длинными ресницами и гордо говорит:

— Ничего, папа, герои не боятся смерти!

ЛАГЕРЬ НА ВОКШЕ



Повесть Г. Зачалова *Рис. П. Кузьмичева*

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

I

В большом павильоне в столовой стоял разноголосый стеклянный звон. Трое вожатых и врач пытались внести порядок в еду:

— Ребята, ребята! Не спешите! Помните, что при такой скачке у вас половина еды пропадает зря.

Ребята на секунду подымали головы, вслушивались и вдруг с молчаливой жадностью утят снова накидывались на творог со сметаной, на белый хлеб, на горячее толокно.

А из трех высоких дверей в разные стороны уже выползали самые прыткие «скороеды». Лица у них были немножко осовелые, походка грузная и осторожная. Они доплывали до солнышка и бессильно опускались на траву...

Но вот один, веснушчатый и широкоплечий, с зелеными глазами, незаметно шмыгнул за павильон, в лесок. Туда же немного погодя скрылся другой, длинноногий, с записной книжкой и карандашом, привязанными к поясу. Следом за ними третий, чистенький и розовый как девочка.

Они спустились под гору, где лесок был погуще. Тут веснушчатый строго посмотрел на товарищей и сказал:

— Слушайте, об'являю приказ... Нет, постойте... Витька, какая у тебя морда, прямо смотреть противно. Сбегай, где кипятится куб, и нарисуй себе усы. Большие! Только живо, и чтобы никто не увидел. Усы лихие, кверху чтобы торчали.

Розовый мальчик исчез и через пять минут явился с измазанными верхней губой и щеками. Веснушчатый поморщился, но в общем одобрил. А затем снова принял величественную позу и начал:

— Об'являю приказ Главного реввоенсовета республики. Подписал я своей личной рукой, главнокомандующий Ворошилов. Наша геройская Красная армия сидит не емши. Всякие белые гады хотят заморить ее голодом. Ну, это мы еще посмотрим... Мне донесли, что вот тут, прямо за селом, есть большие запасы провианта. Их охраняют несметные полки белополяков. Мы у них вырвем все из-под носа. Ты, лихой командир, тов. Котовский, отбери своих лучших молодцов и прибудь с ними сюда. Тебе, славный тов. Буденный, приказываю посадить на коней свою бурную конницу. Я сам стану во главе и поведу вас в страшный бой. Приказ исполнить в одну минуту.

Славные командиры разбежались в стороны, сделали по два круга, тихо скомандовали:

— По коням! В поход, рысью, марш! Стой!

И круто осадили войска прямо перед любимым начальником.

— Стоять смирно! Я дам приказ, когда выступать. Лошади пусть не звенят уздечками, а то враг может услышать.

Немного погодя наверху тоже раздалась команда:

— Становись!

— А мне можно в лес, Сережа? А мне? А мне?

— Нет, нельзя. Об'сняли же на линейке. У вас

санвикторина, а вы... Эй, Гусева, Гусева, а ты куда влезла? Марш на место! Ну, все собрались?

— Степы Зубкова нет. И Феди Савинкова. И Вити Дмитриева.

— А ну, сбегайте, крикните их. Чего они там возятся?

Ребята обрадовались, и вот по всему маленькому полуостровку послышались крики, мяуканье, лай:

— Федя! Зубков! А-я-яй!..

— Витя, мяу-мяу! Иди, тебе мама плетку принесла!

— Гав-гав, караул! Савинков, беги скорей, тебя украли!

Войско в лесочке прилегло в траву. Оно затаило дыхание и только изредка шипело на воображаемых лошадей.

— Да стой ты, холера! Успеешь полопать; придем с похода, овса получишь.

Минут через пять наверху все стихло, а где-то в стороне грянула песня:

«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...»

Песня быстро удалялась. Когда нельзя было уже разобрать слов, «Ворошилов» отдал приказ выступать.

II

По краю встрепанного горохового поля тянулась канава для стока дождевой воды. Сейчас она была сухая. «Ворошилов» приказал спешиться и оставить лошадей с коноводами, а самим пробираться ползком по канаве. По дороге он отдавал последние распоряжения:

— Желтых не рвать. И пузатых тоже. Они жесткие. Надо одних зеленых. Как по полной камилавке нарвете, так и довольно.

— Товарищ главком! — задумчиво сказал командир «Котовский». Он раскрыл записную книжку, перелистал и что-то вычитал из нее.— Я думаю, мы не имеем права. Это же горох колхозный. Красная армия должна помогать колхозу, а не нападать на него.

— Ты чудак. Когда колхоз окружили белые, по-твоему лучше оставлять провиант им, да?

«Котовский» опять полистал книжку, но, видно, ничего там не нашел, а потому позорно смолчал. «Главком» скомандовал:

— В атаку! За мной! — и полез из канавы...

Вдруг «Буденный», весь побелевший, кроме усов, схватил его за ногу:

— Товарищ главком, спрячьтесь скорей: ихняя артиллерия, женская.

Все войско уткнулось носами в землю и так долго лежало, подставив спину горячему солнцу. Наконец «Буденному» надоело, и он спросил, не лучше ли отступить? «Главком» презрительно смерил его взглядом, опять высунулся из канавы и сказал:

— Это вовсе не артиллерия, а просто одна санитарка. Она что-то просевает у себя на дворе. Ну, она тоже может навредить. Айда на другой конец. Рысью марш!

Этот новый переход был страшно труден. Целую версту надо было проползти на коленях да еще рысью. Но славное войско справилось с этим геройски. Оставалось уже немного, шагов сорок. Вдруг послышался глухой топот.

— Белая кавалерия скачет! Ложись! — раздалась спешная команда.

— Ружья наизготовку!

Неприятельская кавалерия приближалась медленно. У нее был очень жалкий вид: человек вел в поводу лошадь, должно быть, хромую, потому что она одной ногой почти не ступала. «Главком» решил, что на такую нападать не стоит.

Человек отвел лошадь подальше от гороха, спутал и ушел. Наконец-то! «Войско» вздохнуло свободно и по первой команде смело кинулось в бой. Зубами и руками оно яростно разрывало зеленые стручки, набивало горошинами полные рты, рассыпало их по земле. Кидалось за новыми. Минуты две над полем слышны были только жуткие звуки сражения: мягкий хруст и тяжелое сопенье. Потом измученный «Буденный» сказал:

„Табун" принюхался и вытянул морду к дрожащей руке.

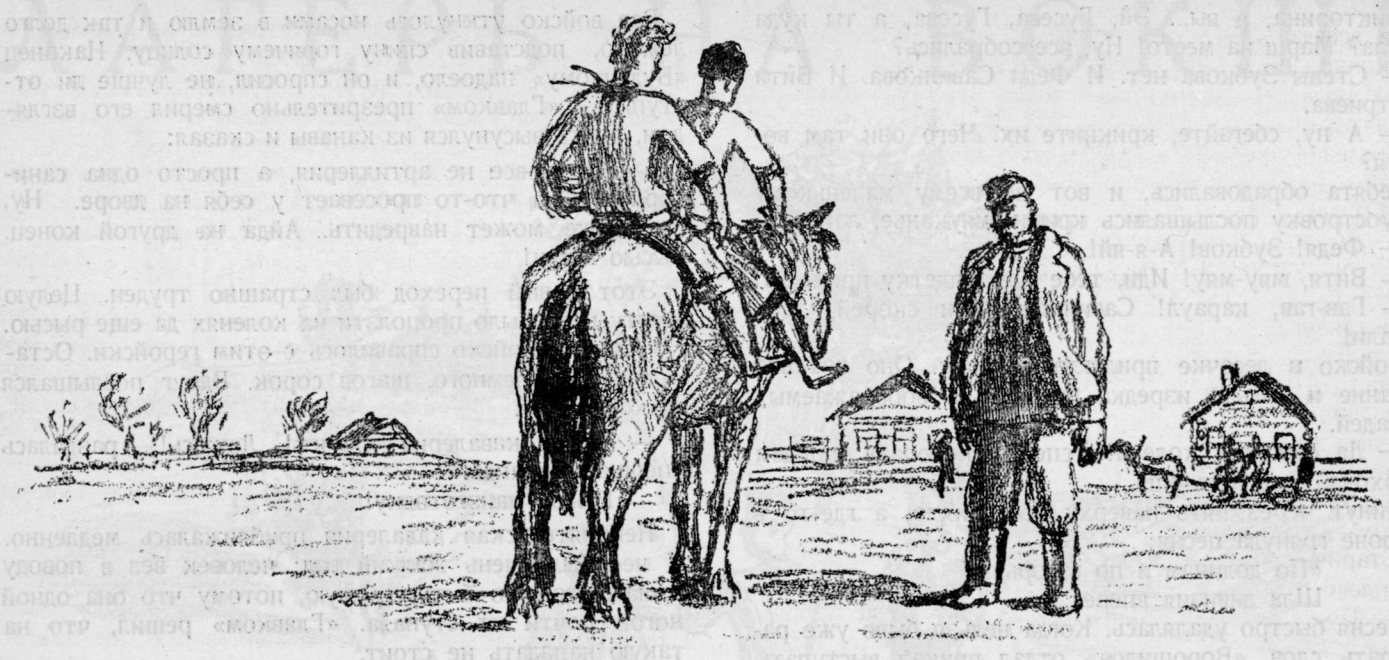
— Я уже не могу. Меня тошнит. Я очень сильно творогу наелся.

— У, ты, вояка! — зашипел на него «главком».— Тебе бы в классе только с девчатами. Был же приказ: в камилавки рвать, ну и рви.

Три камилавки быстро наполнились. Больше рвать было некуда. Войско начало отступать к канаве. Тут оно заметило, что целый табун неприятельских коней — тот самый, хромой и спутанный — подошел к гороху полакомиться. Зеленые глаза «Ворошилова» загорелись боевым пламенем.

— Забрать сейчас же! Вот это ловко будет, мы отступим на ихних же конях.

«Котовский» опять торопливо порылся в записной книжке и молча пошел исполнять приказ. Но это было не так-то легко. Надо было сперва распутать «табун», а он никак не давался. Он поворачивался то зада-



— Ну, слезайте, товарищи, приехали,— мрачно сказал хозяин мерина.

ми, то задом. Тут выручила блестящая находчивость «Буденного».

— Давайте, я прикажу своим молодцам покормить их горохом. А вы пока распутаете и сядете. Только вы потом мне тоже помогите сесть. Ладно?

— Хорошо, твоя конница не останется без помощи.

«Буденный» вынул из своей камилавки три стручка.

— На, коняшка, на, возьми. Он вкусный, зеленый.

«Табун» принюхался, вытянул морду к сильно дрожащей ладони. Вот он оттопырил мягкую губу и... ххa-м! Нет, ничего. «Буденный», брат, не струсит. Он только жадно глотнул воздух и полез за новыми стручками.

«Главком» развязал веревочное путо. «Котовский» легко закинул на «табун» свою длинную ногу. Но «Ворошилову» пришлось снова обратиться к «Буденному»:

— Стань-ка вот тут на колени. Согнись скамейкой. Вот так. Держись крепче. Оп-ля! Готово. Теперь давай сюда камилавку с горохом и путо. Ну вот. А теперь держись за мою руку и прыгай сильней.

В этот момент «табун» фыркнул так, что командиры чуть не скатились с него, и пошел.

— Ой, что же вы? — вскрикнул «Буденный».— А как же я? Держите же!

Командиры в один голос закричали:

— Тпру, стой! Тр-р-р! Тр-р-р!

И дернули «табун» за гриву. На него это произвело странное впечатление: вместо того чтобы стать, он круто повернул к селу и побежал.

— Да, вы нарочно! — завопил «Буденный». Он бежал за «табуном» и горько плакал. Этим плачем зачеркивалась вся игра. «Ворошилов» становился прежним Степкой, «Котовский» — долговязым Федей, вражеский «табун»—старым хромоногим мерином, а сам «Буденный» — жалким ревой.

— Я, небось, помогал вам,—плакал Витя,—вчера всю малину отдал тебе, рыжему, а ты... А-а-а!

Старый мерин непонятным образом все прибавлял ходу, и Витя отставал. И чем больше отставал, тем больше кричал: «А-а-а! А-а-а». Федя путами колотил мерина по левой щеке; хотел повернуть. Но мерин, не чувствуя ударов, скакал прямо, все в одном направлении. Степе надо было следить за тем, чтобы и горох не рассыпать и самому не свалиться. Поэтому он не видел, что делается кругом.

А там делалось вот что. Слева бежала давешняя «санитарка», просевавшая что-то во дворе. К ней вприпрыжку неслось шесть деревенских мальчиков и одна девочка. Справа на дороге остановилась телега с четырьмя колхозниками. Все они вместе с лошадью удивленно смотрели на скачку пионеров. А впереди, уже совсем близко, стоял тот человек, который спутывал мерина.

Женщина перерезала Вите дорогу, расставила руки и поймала его.

— Ты что? Кто тебя? Да не плачь ты! Эдакий большой, а плачет. Ну, что у вас там вышло-то?

— Они... Они... горох воровали! — выпалил Витя.— Еще они на лошади катались, а меня не взяли.

— Ага, воровали, воровали! — с радостным визгом деревенские ребятишки помчались догонять мерина. Но его и догонять нечего было: он добежал до хозяина и стал. И сразу отвесил губу. И приподнял больную ногу — настоящая развалина.

— Ну, слезайте, товарищи, приехали,— мрачно сказал хозяин мерина.

Бывшие лихие командиры кое-как слезли. Они смотрели на землю, поэтому не видели человека, а видели только громадные тупые носы сапог. Эти носы были покрыты зеленоватым навозом, теперь высохшим. Они не предвещали ничего хорошего.

Подбежали деревенские ребята.

— А-га, попались, попались!

— Горох воровали, на лошади катались! А еще пионеры!

— У ней же копыто сломано. На ней нельзя ездить. Эх, вы!

Подошла женщина с Витей. Под'ехала телега с колхозниками. Ребятишки захлебывались от восторга:

— Вот они, пионеры из лагеря! Мы их поймали!

— Весь горох покрали и лошадь испортили!

Вдруг один, их же товарищ, запальчиво сказал:

— Брешете вы все! Я сам видел, они ничего не крали.

Федя искоса глянул — и ему стало сразу и радостно и стыдно: на шее у мальчика был старенький красный галстук. Торопливо, как будто в этом было спасенье, Федя раскрыл книжку и записал: «Пионер пио-

нера всегда должен застаивать. И везде». Но он еще не кончил записывать, как ребятишки заорали:

— Да, не крали, не крали! А это что, в камилавках? Поглядите-ка вот: полно гороху!

Последняя надежда погасла. Проклятые стручки разбухли и нахально выпирали из камилавок всем на глаза. От них некуда было спрятаться.

— Во-от... Мы говорим, вредителей нет, а они — вот они, подбоком у нас. А, Максим Игнатыч?

Это сказал сухонький старичок с телеги. На нем были грязные штаны с заплатами на коленках; посконная рубаха и довольно потрепанные лапти. Но несмотря на это он казался удивительно чистеньким и опрятным. Лицо у него было как с хорошей картинки: загорелые щеки в белой бороде, тонкий нос и добрые голубые глаза в насмешливых морщинках. Неужели такой может сделать что-нибудь плохое? Угостить пряником — это да, а наказывать — нет, не может.

Старичок ловко спрыгнул с телеги и положил Степе на плечо руку:

— Ну, как же, молодцы, а? Придется вас в милицию. За грабеж-то середь бела дня, знаете, что бывает?

«Шутит,— обрадовался Степа.— Я уже знаю, что шутит. Вот еще немножко постращает и отпустит».

— Шутить тут нечего! — опять мрачно сказал хозяин мерина и тупоносых сапог.— Никаких тут шуток нет. Надо за шиворот да в совет. А там к начальству ихнему. Их за это тоже по головке не гладят.

Преступники подняли на него глаза. И тут они впервые по-настоящему испугались. Этого человека словно годами держали подвешенным за ноги. От этого у него сильно раздулись шея и все лицо, подбородок загнулся кверху, черные усы оттопырились, щеки наплыли на лоб. Глазам осталось очень мало места, они ушли вглубь и сделались маленькими, но зато острыми как гвозди. Сейчас они смотрели на старичка, и в них было столько нескрываемой злобы, что, пожалуй, не только Степа с Федей струсили бы. Но старичок, должно быть, не видел этого. Он все так же насмешливо улыбался и сулил пионерам всякие страшные кары. Деревенские ребята поддакивали ему и вспоминали подходящие случаи:

— А что? Прошлый год Ивана Савельича на пять лет засадили.

Витя, наконец, понял, что дело принимает опасный оборот также и для него. Лицо его, измазанное углем, сморщилось, глаза намокли. Видно было, что он не в силах сдержаться и вот-вот заревет. Старичок посмотрел на него и вдруг засуетился, стал гладить по голове сразу двоих: Витю и Федю.

— Ах, мы, дураки старые! Досмерти запугали парнишек. А они, если хотите знать, и не воровали ничего. Зря вы на них, ребята, наговариваете.

— Да, зря, ты сам зря! — всполошились деревенские.— Мы еще их звон откуда увидали, с горки. Когда они только из гороха вылезали.

— А меня вы видали там?

— Зачем тебя. Тебя там не было.

— Ну, вот видите. Ни шиша, значит, вы и не видели. Я вот полчаса проходил там. Вижу, они стоят там у гороха и глазами так и едят его. Ну, я и велел им. Чай, мы не обеднеем от трех горстей. А им это с непривычки слаще конфет.

Возбужденные лица деревенских ребят моментально опали, скисли. А лагерные совсем растерялись. Они не знали, верить им старичку или не верить.

— Д-да,— продолжал старичок, немного подумав.— А вот с мерином-то у вас верно что нехорошо вышло. Это, брат, никуда не годится: на чужих лошадях раскатывать... Или, может, вы не катались?

Теперь Степа ясно видел, что он изо всех сил старается выгородить их. В одну секунду он придумал ответ:

— Конечно, не катались. Мы хотели домой идти, смотрим, он совсем распутался. Если бы уздечка, мы бы его в поводу привели, а так, как же?

— Ах, вон оно что! Ну, тогда вам еще спасибо сказать надо. Кабы не привели, он бы уперся в лес, а там его, больного-то, волки бы сожрали.

Деревенские равнодушно отвернулись.

— Пойдемте назад,— позвал один скучным голосом.— Чего нам тут делать?

Женщина ушла. Мрачный человек взял мерина за гриву и молча повел снова путать. Старичок весело крикнул пионерам:

— Ну, прощайте, молодцы! Приходите почаще к нам.

И ловко прыгнул на телегу. Степа чуть не сказал: «Спасибо тебе, дедушка, что выручил». Но вовремя прикусил язык.

III

Остались одни ребятишки. Степа очень тихонько, очень неуверенно пошел домой. За ним двинулись и Федя с Витей. Нет, ничего. Никто не закричал, не погнался. Они прибавили шагу, пошли скорей, скорей, вдруг...

— Эй, ребята, постойте-ка...

Ух, как они припустились бежать! Голые пятки так часто замелькали в воздухе, что сзади казалось, они не бегут, а летят.

— Ребята, ребята! Постойте. Да чего вы испугались?

Ах, это вон кто! Парнишка тот, пионер ихний. Ну, один-то он ничего не сделает. В крайнем случае можно нашлепать ему по затылку и удрать.

— Фух, насилу догнал. Зачем вы убегали? Я вот чего. Меня прямо Панькой звать, Смуровым. Ох, я и рад, что вы не воровали! Мне бы тогда мальчишки прямо проходу не дали: «Вот ваши пионеры что делают».

Он забежал вперед и осматривал всех трех с таким восторгом, словно они совершили великий подвиг.

— А что же вы к нам не приходите? — вдруг спросил он.— Первая смена два раза приходила. Один раз сено помогала сгребать, другой — заваленку устраивала. Ну только они прямо как гости. А надо, чтобы как следует. А то раз покажутся, и месяц нету.

Панька Смуров и Дунька Снегова смотрели вслед уходящим пионерам...

— Мы только пятый день тут,— сказал Степа.— Мы на целую неделю задержались: хотели тринадцатого, а приехали двадцатого. Лагерь семь дней пустой стоял. Потом устраивались, разбивались на звенья, открытие делали. А теперь обязательно придем.

— Ну да, приходите. Если вы как следует покажете, какие пионеры бывают, тогда наши ребята все запишутся. Мы тогда прямо свой отряд сделаем. А то нас тут шестеро только. Мы вроде звена. А отряд в Березках, а база совсем далеко, прямо за двенадцать верст.

Он увидел, что товарищи его уходят, и крикнул:

— Дунька! Ты постой, не уходи, я тебе что скажу! Это Дунька Снегова. Прямо лучше всех девчат,— об'яснил Панька и опять заспешил:

— Еще у нас матери плохие. Прямо вредители настоящие. Мы сейчас кавалерию сделали — воров ловить, а они нас «бобиками» дразнят. Это у нашего секретаря такая собачка есть—Бобик. Она уток не приносит, а только мешает охотиться. Прямо дура какая-то. Ну, нам наплевать, пускай хоть еще хуже называют. Только они своим ребятам не велят участвовать. А разве шесть человек могут углядеть за всеми полями? Мы ни одного вора не поймали. Но ведь сразу так не бывает, правда? Они тоже не дураки, воры-то, они прячутся. Эх ты! А, может, мы неправильно работаем? Нам ведь никто не показывал. Вожатая приезжала, Клавка Сапегина, ну, она сама ничего не знает.

Степа от важности раздулся как паровоз перед лошадью. Он снисходительно похлопал Паньку по плечу:

— Ну, ничего, парень. Мы придем и научим вас. Для нас это — раз плюнуть. Я скажу своим ребятам и завтра же придем. Вы только хорошенько встретьте нас. Знаешь как? Рано утром выходите вот сюда на дорогу и ждите. Как увидите наших, так сейчас же кричите «ура». Ладно?

— Ладно, это мы сделаем. Нас хоть мало, зато мы дружные. Может, и других ребят соберем. Они всегда сбегаются, когда чужой кто-нибудь приходит.

Как только Панька отошел, Федя раскрыл свою книжку и стал записывать: «Дедушка — хороший, наверно, ударник. А тот, толстомордый,—кулак. У него, наверное, дома ружье есть, обрез. Надо сказать, когда придем в колхоз. Кулаки всегда такие: морда толстая, глаза маленькие, говорит злобно и всех ненавидит».

(Продолжение в следующем номере)

ПОЖАР НА МОРЕ

Рассказ капитана С. Попова

Капитан Попов — старый полярник. Он много лет проплавал среди арктических льдов на маленьких судах Океанографического института.

Во время этих плаваний капитан Попов увлекся научной работой полярных исследователей и сам стал внимательно и настойчиво изучать север.

Собрав большой научный материал о направлении теплых течений в арктических морях, капитан Попов выдвинул идею прохождения Великого северного морского пути высокими широтами, т. е. не у берегов Сибири, а у самого полюса. Он предполагает, что пройти там будет не только не трудно, но даже легче чем по пути «Сибирякова» и «Челюскина».

Теперь капитан Попов работает научным сотрудником в Океанографическом институте и подготовляет экспедицию, которая должна этим летом проверить его научные выводы.

За время полярных путешествий с капитаном Поповым и его товарищами было много приключений. Рассказ о приключении одного из его товарищей мы печатаем в этом номере.

Маленькая белоснежная полярная чайка — экспедиционный корабль «Смелый» — возвращалась после ремонта из Норвегии в Мурманск. Весело и ярко поблескивали наново отполированные палубные надстройки и начищенная медная арматура. Маленький по размерам, такой маленький, что стал бы свободно поперек палубы «Челюскина», этот корабль сделал, однако, немало в деле изучения Арктики.

Далеко на север, в тяжелые льды, ходил «Смелый», и всюду по его пути сотрудники Полярного института измеряли глубины, температуру и соленость воды, а после в Москве, изучая эти данные, давали указания на счет погоды и сроков посева урожая. И теперь «Смелый» торопился в Мурманск, чтобы до бурных осенних штормов вернуться к своей работе по изучению малоисследованных районов Арктики.

На корабле было только три человека: опытный, суровый капитан, живой и веселый механик Костя, рассеянный и неуклюжий научный работник Владимир Александрович. Малочисленность команды об'яснялась просто: все трое любили свой корабль и решили сэкономить средства, отпущенные на наем команды, для покупки новых научных приборов.

Капитан вел корабль, исполняя заодно обычную работу своих помощников и матросов, Костя следил за машиной, а на долю Владимира Александровича выпала роль «кока».

Тяжело приходилось всем троим. Но капитан, 15 лет плававший в море, видел не раз и не такие передряги.

Костя, наладив работу, нашел минуту выбраться на палубу и весело мурлыкал норвежскую песенку, не забывая прислушиваться к однообразному ритму машины. Она работала «до полного», и «Смелый» делал по 10 миль в час. Только Владимир Александрович, не без труда справляясь с чисткой рыбы для ухи, был

настроен мрачно и размышлял о том, куда заводит любовь к науке.

Когда завтрак поспел, команда временно поменялась местами: кок стал у руля, а капитан и механик расположились в кухне. Попыхивая английскими сигаретами, они запивали их душистым норвежским кофе. Костя, по обыкновению, весело балагурил. Внимание капитана, вначале добродушно подсмеивавшегося над невероятными повествованиями Кости, было отвлечено чем-то другим, и он уже невпопад отвечал на костины вопросы. В кухню проник слабый запах гари. «Ишь, норвежцы сельди коптят. Даже сюда с берега слышно», — сказал капитан, скрывая неясную тревогу.

Но не даром они плавали вместе третий год. Уловив тревогу, Костя решил проверить машину. Неторопливо поднявшись и не глядя в глаза капитану, он бросил небрежно: «Нефть надо накачать в дежурную тянку» и скрылся за углом рубки.

Не прошло и минуты, как он вбежал обратно.

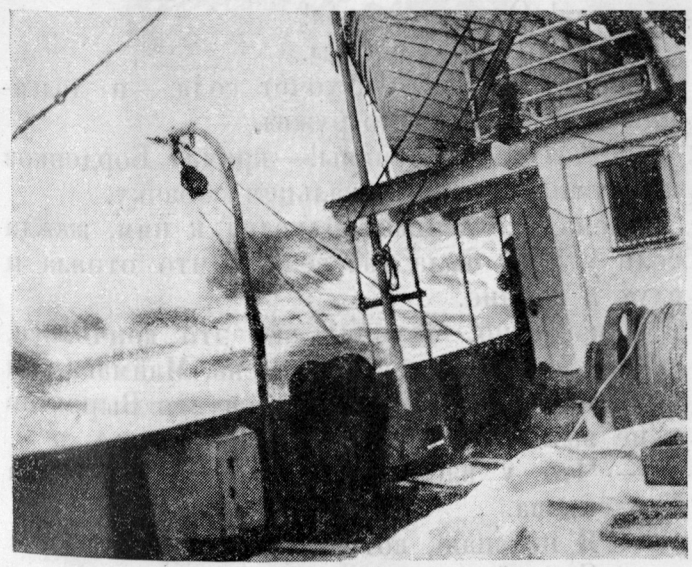
«В лаборатории сильный дым. Я не мог пройти к машине», — глухо промолвил Костя в ответ на немой вопрос капитана. Капитан поднялся и машинально стал вытирать руки о кухонное полотенце. А в голове проносилось: «Бензин и керосин... 30 бидонов на нижних полках лаборатории!» Покачивающейся морской походкой он зашагал в сторону горевшего помещения.

Сквозь плохо задраенные иллюминаторы прибивались струйки едкого дыма.

Капитан рывком открыл дверь.

От притока свежего воздуха, усилившись, полыхнуло пламя. Огненные языки угрожающе потянулись к лицу.

Нужно было пробиться к машинному отделению, чтобы остановить машину и пустить пожарную донку.

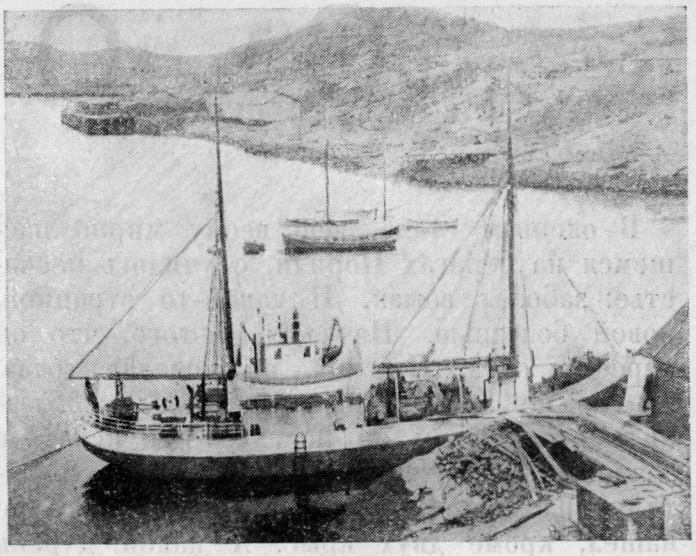


Далеко на север, в тяжелые льды, ходил „Смелый".

«Топоры давай!»—бросил он на ходу Косте. С палубы отдал уверенным голосом приказание Владимиру Александровичу покинуть штурвал, закрестив его на стопора.

Первым делом выбросили лежавшие близко у входа в лабораторию 10 бидонов уже нагревшейся олифы.

Сильный Костя с остервенением стал рубить топором и ломать руками шкафы, столы и обшивку помещения, стремясь добраться до машинной двери, чтобы застопорить мотор и пустить в ход пожарные шланги.



Корабль „Смелый" в Мурманском порту.

Капитан боролся с огнем в дальнем углу лаборатории, пробиваясь к огнеопасным бидонам.

Огонь бушевал в лаборатории. Линолеум, тлея, издавал запах резины. От ударов топоров сыпались куски горящего дерева. Владимир Александрович подхватывал их и выбрасывал за борт.

Опасность принуждала каждого работать изо всех сил, так как всем троим было ясно, что минута промедления могла стоить жизни.

Сквозь стук топоров прорывались дикие, непохожие на человеческие звуки ругательства Кости. Огонь уже лизал стену шкафа, когда капитану удалось разломать его. Обжигая руки, он выбрасывал прогревшиеся бидоны. Владимир Александрович с неожиданной для него ловкостью циркового жонглера подхватывал 20-фунтовые английские бидоны и выбрасывал их за борт.

Через несколько минут горевшее помещение было освобождено от опасного горючего топлива.

Теряя сознание, Костя первый проник в машинное отделение. Сизый дым от потолка до машинной площадки пеленой лежал на механизмах. Слабеющими руками возился около них Костя.

Вдруг стук мотора прекратился. Капитан почувствовал, как зазвенело у него в ушах и по телу прошла какая-то слабость. Он вышел на палубу. «Смелый», качаясь на мелкой волне, был в открытом море.

Костя вышел, шатаясь, и лег на палубу.

«Донку не могу пустить», — сказал он.

Поспешно вытащив ведро воды, окатили его. Через минуту отлежавшийся Костя исчез. Капитан и Владимир Александрович быстро вытаскивали ведрами воду. Остановившийся «Смелый» давал черпать ее сколько угодно.

«Донка работает!» — раздался под самым ухом капитана голос Кости, и, не останавливаясь, он быстро пронесся привертывать пожарный шланг.

Пожар был потушен.

Усталая команда, жадно глотая кофе, отдыхала на палубе. В зависимости от обожженных и пораненных мест каждый занимал соответствующую позу.

«Эх, старый я дурак! — ругал себя Костя. — Поверил я честности норвежского фабриканта! Не дотянул выхлопную трубу мотора до самого верхнего края судовой трубы — вот тебе и пожар. Пожалел, старый чорт, куска железа и асбеста. Только бы добраться до него! Уж я ему тогда распишу, где зимуют морские раки».

С О Л Ь

А. Кожевников *Рис. П. Митурича*

В оленьем стаде, всю весну мирно пасшемся на берегах Норили, случилось несчастье: заболел вожак. И какой-то странной, новой болезнью. Началось с того, что он перестал есть. Ни мох, ни молодая трава, ни свежие листья—ничто не могло соблазнить его. Затем он начал что-то искать в земле: во многих местах он взрыл ее копытами вплоть до мерзлого слоя. И ничего не нашел, кроме двух крыс. А какой дурень станет есть крыс, когда вокруг сколько угодно всякой зелени? Потом вожак забыл, что под его охраной находятся две матки и три теленка, и куда-то убежал на целых полдня. Вернулся он весь в поту, с кровавыми глазами, но отдыхать не захотел, а повел все стадо к Норильским горам. Он мчался как безумный, совсем не считаясь с тем, что телятам всего только по три месяца.

На полдороге стадо встретилось с волной незнакомого ветра. Это был не тундровый ветер, а совсем особенный, из нездешней страны. Тундровый ветер несет запах болота, оленьих стад, гниющих грибов, спелых ягод, иногда запах собак и дыма. Но в этом ветре были совсем новые запахи, и оленухи остановились.

Вожак прикрикнул на них. А когда они не послушались окрика, он начал бить их рогами. Он гнал их прямо навстречу страшному ветру.

Впереди, на полянке, показалась избушка. В ней жили техник Выростов, долганин Маймага и забойщик Борденков. Выростов и Борденков, по заданию геологического комитета, искали в Норильских горах медь и никель. Маймага был проводником и держал связь между геологической разведкой и селом Дудинкой, при устье Енисея.

Страшный запах стал непереносим. Оленухи решили лучше умереть под ногами вожака чем от неведомой смерти и отказались идти дальше. Вожак (вот безумец!) оставил их с телятами на произвол судьбы и оказался на полянке. Он шел пошатываясь, с низко опущенной головой, как загнанный волками. Язык у него волочился по земле, из ноздрей вылетал шумный храп.

— Вот так история,—проворчал Иван Борденков, заметив оленя.—Как же мне быть с ним?

Он никогда не имел дела с оленями, не знал их нрава и повадок и начал обдумывать, что лучше: пугнуть ли гостя, оставить ли в покое, разбудить ли Выростова, пусть тот решает? Олень между тем продолжал облизывать полянку и все ближе подходил к Борденкову.

— Вот аспид, идет и никакого страху. Он, пожалуй, на рога поднимет,—сказал Борденков и вынес из палатки ружье.

— Теперь я с тобой, голубчик, в случае чего поспорю. А не угостить ли тобой товарищей? Уж больно ты храбер.

И Борденкову вдруг захотелось отведать оленины, да захотелось так сильно, как будто он все время только о ней и думал.

— Ну, пеняй на себя,—и Борденков взметнул ружье.

В это время из палатки выскочил Маймага и схватил Борденкова за руку.

— Эй, нельзя!—закричал он.—Давай соля, соля!

— Отойди!—Борденков отпихнул долганина.—Спугнешь. Но долганин снова повис у него на руках и закричал еще громче:—Соля, соля! Он хочет соля!

— А я хочу оленины.

— Дай ружье! Он хочет соля,—и долганин схватил за дуло ружья.

— А я хочу оленины!—кричал Борденков и пытался отыскать пальцем собачку.

Олень все ближе подходил к ним, жажда соли у него была так велика, что отняла и слух и зрение.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, кто бы оказался убитым: олень, Маймага или Борденков, если бы не проснулся Выростов и не вышиб из рук Борденкова ружье.

— Что у вас такое?—заорал техник на Борденкова.

— Я не знаю, вот он.

— Скорей надо соля!—почти простонал Маймага.

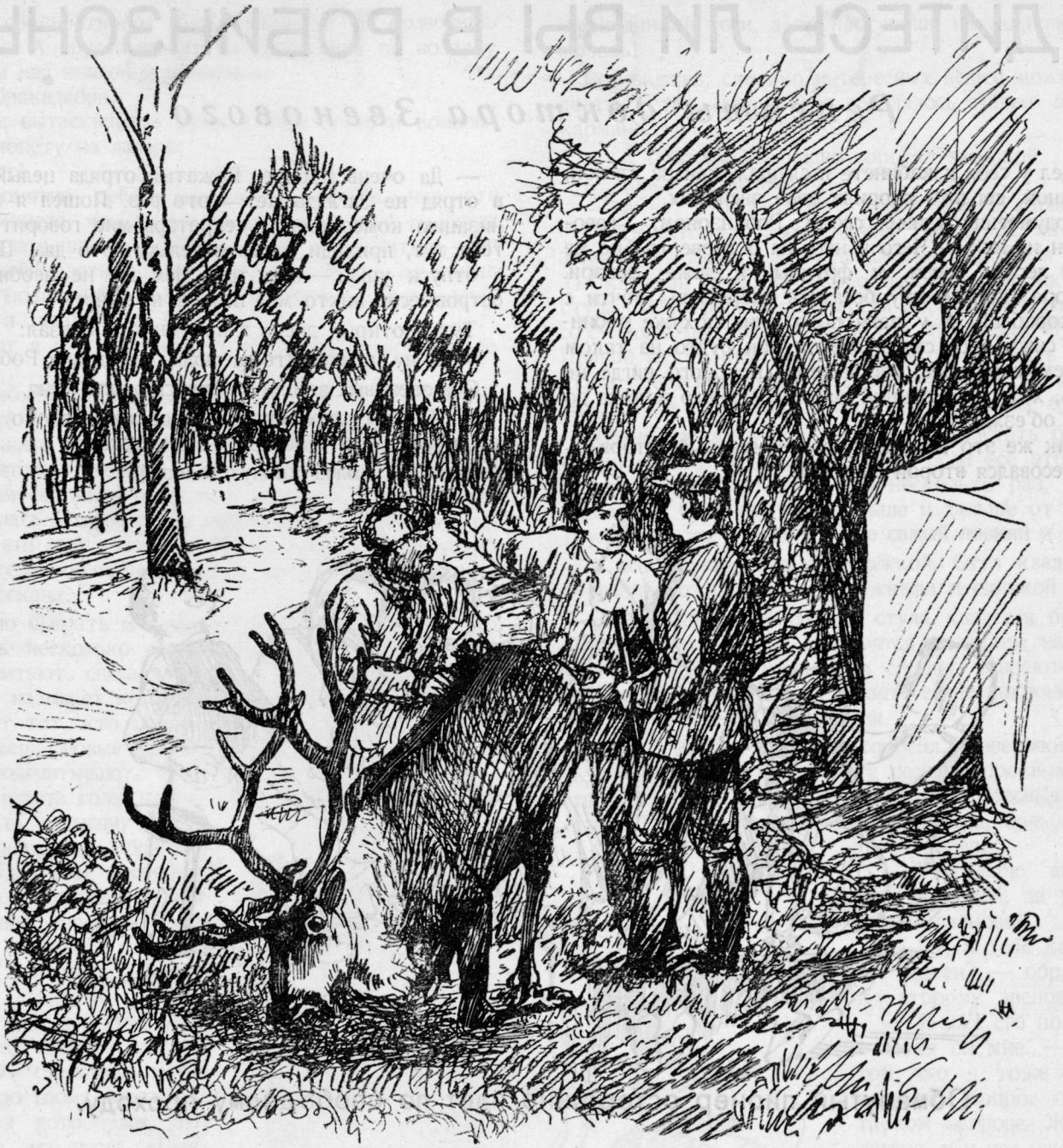
Выростов поглядел на долганина, на Борденкова, на оленя и все понял.

— Дурачье! Чуть было не загубили нашего оленя.

Он выругался и побежал за солью.

Олень стоял на коленях и жадно грыз землю, посыпанную солью. Выростов гладил его по спине и говорил:

— Ешь, ешь. Здорово наголодался? А где же другие? Ты их приведи, соли всем хватит.



Олень стоял на коленях и жадно грыз землю, посыпанную солью.

Борденков стоял с раскинутыми руками, в позе распятого, Маймага грозил ему пальцем и бормотал сердито:

—Наша говорил, надо соля!

Олень и техник Выростов были старыми знакомцами. Год назад они несколько месяцев провели вместе и, надо сказать, очень хорошо. Олень, не ленясь, катал Выростова по тундре, а Выростов баловал его всевозможными вкусными вещами: хлебом, сахаром и солью. Больше всего оленю понравилась соль. Она открыла ему целый мир новых наслаждений. После знакомства с нею и мох, и трава, и грибы, и вода,—словом, все с'едобное, что было в тундре, стало неизмеримо слаще.

Уезжая, Выростов отпустил оленя на волю. После его от'езда в тундре все изменилось: вода стала пресной, трава и мох—горькими. Олень пошел искать „сладкую" тундру, он обследовал сотни пастбищ, попробовал воду из тысячи озер и рек, но ничего не нашел. „Сладкая" тундра исчезла бесследно, как бесследно исчезают пожары северных сияний. Олень смирился. Но тоска осталась дремать в его гортани. Вчера в ноздри оленя ветер занес запах техника Выростова и разбудил тоску по „сладкой" тундре. Тоска из гортани пробралась в пищевод, в желудок, в ноги и кровь оленя. Она жгла его так сильно, как будто у него внутри горячий костер. И можно ли судить его за то, что он забыл оленух и телят, забыл всякую осторожность?

ГОДИТЕСЬ ЛИ ВЫ В РОБИНЗОНЫ?

Рецепты доктора Звенового

Я сидел у себя к кабинете и слушал, как за стеной, в приемной, сердито спорили двое звеновых.

— Подумаешь, удивил своим Робинзоном, — говорил один из них. — Чего у него на острове только не было: и лес, и звери, и фрукты, и даже дикари. Одно море сколько ему богатств выбросило—почти с целый корабль!.. А у меня положение похуже робинзонова: сижу я со своим звеном как будто на таком необитаемом острове, необитаемее которого нигде не найдешь, хоть весь земной шар с северного полюса до южного об'езжай.

— Как же это ты попал на необитаемый остров?— заинтересовался второй звеновой.

— Да очень просто. Вожатый отряда целый месяц в отряд не заглядывает — это раз. Пошел я в организацию комсомола, а секретарь мне говорит: не до тебя тут, приходи через недельку—это два. Педагоги в отпуск ушли — это три. Чем же не необитаемый остров, если никто мне помочь не хочет?

Тут я открыл дверь в приемную и сказал:

— А ну, пожалуйте-ка сюда, гражданин Робинзон...

Оба звеновых вошли и уселись около меня.

— Так ты уверяешь, что твое звено плохо работает потому, что тебе никто не помогает?

Звеновой молча кивнул головой.

Обманутый пионер осторожно идет по свободному проходу.

— Ну, а мне кажется, что дело не в других, а в самом тебе. Ты сам себе не хочешь помочь. Я думаю, что если бы ты вместо Робинзона попал на необитаемый остров, через две недели от тебя остался бы только один скелет.

Звеновой с сомнением посмотрел на меня.

— Ты не веришь? Давай проверим твою изобретательность. Ну-ка, вытащи все, что у тебя в правом кармане.

Звеновой запустил руку в карман, и из его недр появились на белый свет такие предметы: огрызок карандаша, две трехкопеечных монеты, обрывок газеты, какая-то смятая бумажка и галстук.

— Прекрасно,—сказал я.—Представь себе, что ты находишься на необитаемом острове, — так ты назвал звеновые сборы. Как ты используешь все эти предметы из твоего кармана, чтобы весело провести сбор?

Звеновой наморщил лоб и начал мучительно думать.

— Знаю!—наконец сказал он.—На деньги я купил бы два номера пионерской газеты и прочел бы их вслух на сборе, а карандашом записал бы задания ребятам...

— Ну, приятель, плохой из тебя Робинзон выходит. Давай-ка я тебе покажу, как можно все это использовать для веселого и интересного сбора.

Вот огрызок карандаша. Не будем писать им скучных вещей, а используем его для игры. Все пионеры звена выходят из комнаты. Ты берешь этот огрызок и кладешь его на такое место, чтобы он был виден, но незаметен. Ну, хотя бы край шкапа или куда-нибудь в уголок. Потом ты зовешь пионеров и предлагаешь им отыскать этот карандаш. Тот, кто заметил, где он лежит, подходит к тебе, шопотом сообщает, где он увидел карандаш, и садится. Через три минуты ты прекращаешь игру, и те, кто не заметили карандаша, проигрывают.

Теперь возьмем обе монеты. Одну из них ты кладешь на край стола и накрываешь блюдечком или кружкой, а если их нет, то какой-нибудь книжкой Потом ты говоришь ребятам:

— Кто из вас может взять эту монету со стола не дотрагиваясь сам до книги?

Ребята обычно предлагают десятки хороших проектов, но все они имеют один небольшой недостаток: до книги все-таки надо дотронуться.

— Эх, вы, говоришь тогда ты, такого простого дела не умеете сделать. Смотрите!

Руку со спрятанной другой монетой ты подводишь под стол. А другой рукой ты проводишь по воздуху раза два над книгой и говоришь:

— Абракадабра!

Потом вытаскиваешь руку из-под стола и показываешь монету на ладони:

— Вот!

Ну, понятно, ребята начинают кричать, что это другая монета, что ты их обманываешь и т. п. Тогда ты предлагаешь им поднять книгу и убедиться, что ты можешь взять монету не дотрагиваясь до книги. Ребята поднимают книгу, а ты быстро схватываешь монету и заявляешь:

— Вот я и достал монету не дотрагиваясь сам до книги.

Что можно сделать с обрывком газеты? Вообще говоря, это драгоценная вещь для звенового: газета может служить хоть для ста игр. Вот тебе две из них.

Ты читаешь ребятам какую-нибудь фразу и предлагаешь им сочинить рассказ, в котором бы эта фраза встречалась. Эти рассказы ребята могут написать в течение пяти минут или по очереди рассказывать устно. Победителем об'является тот, у кого будет самый лучший рассказ.

Можно сыграть и в другую игру. Ты не торопясь читаешь несколько строк из газеты, а ребята про себя считают, сколько слов ты прочел. После этого каждый называет количество сочтенных им слов. Выигрывает тот, кто правильней всех сосчитал. Потом ты читаешь новые фразы, только быстрее, и ребята опять подсчитывают.

Если газета годна для ста игр, то с галстуком можно играть в тысячу игр.

Вот например «бой быков». Один или несколько галстуков концами втыкаются под поясом сзади «быка» — одного из самых ловких пионеров, другие ребята стараются «убить быка», т. е. вытащить у него из-за пояса галстук. «Бык» же старается дотронуться до своих врагов. До кого он дотронулся, тот выходит из игры. «Бык» считается убитым тогда, когда у него выдернут все галстуки.

— Кто у тебя в звене самый ловкий и гибкий?

Можно еще в такую штуку сыграть с галстуком. Все ребята садятся на стулья друг против друга, образуя две шеренги. Между ними остается проход. Ребята вытягивают ноги так, чтобы можно было пройти по проходу перешагнув через ноги. Одного из пионеров ты ставишь перед проходом и предлагаешь ему с завязанными глазами пройти по проходу не задевая ног. Для этого он должен как следует запомнить расположение ног. После этого завязываешь ему глаза галстуком и даешь ему команду идти. Одновременно с твоей командой все ребята тихо убирают ноги. Очень смешно смотреть, как обманутый пионер осторожно идет по свободному проходу, высоко поднимая ноги. А ребята еще поощряют его ловкость:

— Молодец! Чуть-чуть не задел за мои ноги! Повыше поднимай ноги, а то наступишь на мою любимую мозоль!

Вот видишь, сколько интересных вещей можно проделать с тем, что у тебя завалялось только в одном кармане.

— А бумажка?—ехидно спросил звеновой.

— Какая бумажка?

— А вот эта, которая у меня была в кармане...

— Ну что же, звено может полчаса с интересом заниматься даже с этим незаметным клочком бумаги. Ты кладешь бумажку около одной из задних ножек стула. Затем ребята по очереди садятся на стул боком, со стороны, противоположной той, где лежит бумажка. Правой рукой они берутся за верхнюю часть спинки стула, перегибаются туловищем через стул и левой берутся за ту ножку, около которой лежит бумажка.

Нужно держась за стул руками достать бумажку прямо с полу не упав со стула. Если все это проделают, можно повторить это несколько раз, каждый раз кладя бумажку все дальше и дальше от ножки стула. Кто же у тебя в звене самый ловкий и гибкий?

А вот другая игра с бумажкой. Стул кладется на передние ножки, задними ножками и спинкой вверх.

На верхний край спинки стула кладется бумажка. Пионеры по очереди становятся коленями на ножки стула и держась руками за спинку стараются ртом дотронуться до бумажки и взять ее не наклонив стула вперед и не теряя равновесия.

— Ну, хватит с тебя?—спросил я звенового.—Теперь ты видишь, что даже с самыми простыми средствами можно проводить очень интересные сборы звена. Главное, быть изобретательным, больше работать головой.

— Благодарю вас, доктор Звеновой, за урок, — сказал звеновой.

— Ну, а тебе какой совет нужен? — обратился я ко второму звеновому.

— Я уже его получил,— ответил он мне. — Дело в том, что я тоже приехал выяснить вопрос о необитаемом острове. Живу я в лагере, и у нас уже второй день подряд идет мелкий дождик. Что океан, что дождик — все равно вода, и вот мы как на необитаемом острове отрезаны от мира. Ребята от скуки так зевают, что половина их вывихнула обе челюсти и ходит с обвязанными головами. К нам один комсомолец приехал, так он сначала испугался:

— Куда я попал?—спрашивает,—не в зубную ли амбулаторию?

Вот и послали меня к вам, доктор Звеновой, узнать, как можно с нашего необитаемого острова скуку выселить. Ваш разговор с этим звеновым поможет нам начать борьбу со скукой тем же способом, которым Робинзон боролся с дикарями, — изобретательностью.

— Да, без изобретательности звеновой все равно что испорченный примус: шумит, фыркает, а толку мало.

СОЛНЕЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

С. Б.

Рисунки А. Варновицкой

Поди-ка, крикни группе товарищей, что расположились за версту, за рекой, чтобы они исполнили какое-нибудь поручение! Ребята надрывают глотки, машут руками, платками, но их не понимают, голос неслышен, и из передачи ничего не выходит.

Как же связаться на таком расстоянии? Можно, конечно, телеграфом или телефоном, но это сложно и дорого: надо иметь провода, аппараты, электрическую энергию... С тех пор как изобретена азбука Морзе, связь на расстоянии можно поддерживать и проще.

По азбуке Морзе, каждая буква алфавита обозначается рядом точек и тире, т. е. всего двумя значками (. —) определяется вся азбука. Например буква «а», по азбуке Морзе, пишется так: . —, буква «б» — ... и так далее. Можно любые два сигнала условиться так принимать: один — за точку, другой — за тире; например под'ем правой руки пусть обозначает точку, под'ем левой — тире. Тогда букву «а» можно передать под'емом правой руки и поднятием левой. Букву «б» —поднятием левой и тремя поднятиями правой, т. е. таким способом передавать целые слова. Можно в руках держать флажки. Можно передавать знаки свистком: короткий—точка, длинный—тире; зажиганием лампочки и прочими сигналами.

Но летом самый удобный способ сигнализирования — это солнечный телеграф, солнечным зайчиком, отраженным от зеркала. Такой зайчик виден на огромном расстоянии: в военное время солнечным телеграфом передают сигналы на расстоянии до 20 км. Такой телеграф («гелиограф») построить своими силами очень просто.

Солнечный телеграф состоит из двух основных частей: зеркала для отражения лучей солнца и затвора, чтобы пускать к станции назначения короткий и длинный пучки света.

Сперва надо выстругать основную доску — фундамент прибора размером 350 × 180 мм. Зеркальце 80 × 80 мм кладется на такого же размера доску и крепится к нему жестяными уголками (4 или 8 штук). Рама для зеркала делается из двух боковин: высотой в 95 мм и шириной внизу 65 мм, основы (2) 140 × 165 и связи (3). В боковинах на совершенно равной высоте просверливаются два отверстия для гвоздиков, которые вбиваются в доску зеркала так, чтобы оно на гвоздях могло вращаться, поворачиваться и оставаться в том наклоне, который будет нужен. В основе рамы, в самом центре, сделано также отверстие сантиметра в два, а в основной доске — такого же диаметра деревянная шпилька, на которую вся рама насаживается, закрепляется гвоздем, продеваемым в шпильку, и на нем может поворачиваться в разные стороны. В передней части основной доски пробивается и крепится угольниками с круглым отверстием в 70 см отверстие, которое закрывается затвором, выпиленным из фанеры или толстого картона. Слева затвор вращается на гвозде, справа его подтягивает вверх резинка до упора, который держит затвор все время закрывающим отверстие в передней доске, а бичевкой на конце ручки затвора его можно отдергивать вниз, открывая отверстие быстро и на более продолжительное время: открыть коротко — точка, длинно — тире. У начала ос-

нования вбивают булавку и на высоте ее головки в переднюю доску— другую булавку так, чтобы обе головки были на одинаковом расстоянии от края доски. Это «визир», который дает возможность по головкам булавок на станцию получения телеграмм направить весь прибор в нужном направлении.

Когда прибор направлен туда, где телеграммы должны быть приняты, вращают раму зеркала и самое зеркало так, чтобы зайчик от солнца попал в самую середину (пока закрытого) затвора. Если теперь открыть затвор, луч пойдет прямо к станции назначения. Но вначале, когда прибор построен, надо проверить, не пойдет ли луч криво, мимо станции назначения, тогда его там и не увидят. Это лучше всего проверить по стене дома: отойти, посмотреть, куда направлены булавки головок, и пустить туда. Зайчик попадет— значит, все в порядке, не попадет—булавки надо переставить.

Теперь можете телеграфировать, наклеив на доску прибора для памяти азбуку Морзе. Она скоро запоминается, но вначале лучше всего телеграмму выписывать в две строчки: на верхней текст, а нижняя же по азбуке Морзе.

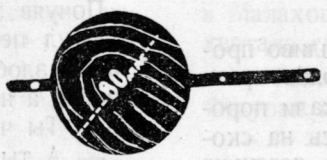
Когда телеграмма так написана, уже легко прямо передавать сигналы, делая перерывы между словами. Надо только раньше научиться передавать точку и тире, особенно тире, чтобы оно отличалось от точки и излишне не затягивалось.

Перед началом телеграфирования делается «вызов» такими знаками: —.—.—.—. в течение нескольких секунд, затем делается перерыв, для того чтобы станция назначения ответила, что сигналы видимы и она готова к приему. Это она сообщит рядом быстрых точек. Тогда можно начинать передачу.

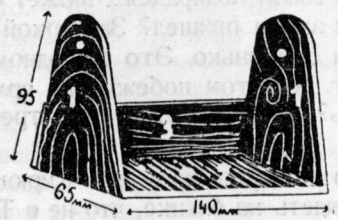
Для облегчения запоминания азбуки Морзе существует следующий остроумный способ: запомните слова, напечатанные рядом с буквами. Слоги с гласной «а» означают точку, слоги с остальными гласными— тире.

АЗБУКА МОРЗЕ

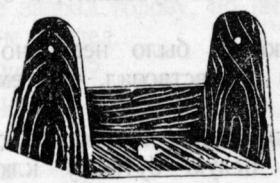
а .— Або
б —... Бес-са-раб-ка
в .— — Ва-ви-лон
г — —. Го-ло-ва
д —.. До-бав-ка
е, э .
ж ...— Жа-тва зла-ков
з — —.. Звон бу-лата.
и ..
й.— — —
к —.— Кон-стан-тин
л .—.. Ла-до-жан-ка
м — — Ми-нин
н —. Но-га
о — — — О-ло-во
п .— —. Па-ни-хи-да
р .—. Ра-ду-га
с .. Са-ма-ра
т — Ток
у ..—
ф ..—. Фа-на-тич-ка
х .... Ха-на-ан-ка
ц —.—. Цы-га-ноч-ка
ч — — —. Че-ре-му-ха
ш — — — — Ше-ре-ме-тьев
щ — —.—Щу-ро-гла-зый
ы —.— — Ы-ка-ни-е
ю ..— —
я .—.—
ь —..— Е-ра-ла-шик.



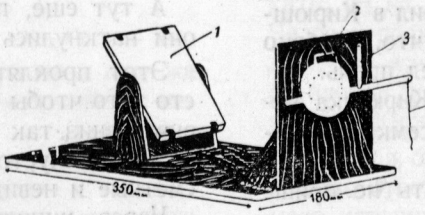
Затвор.



Рама для зеркала.



На раме внизу устроена ось вращения для зеркала.



Вот готовый солнечный телеграф.

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

(Продолжение)

Аркадий Гайдар

Рис. Ф. Полищук

В Каштымовке Калюкин и Кирюшка заехали в «Дом колхозника» и здесь, в столовой, встретили Сулина, который пил чай.

Он был весел. Дал Кирюшке мятный пряник. Спросил про Матвея и предложил, чтобы Кирюшка обратно поехал на его телеге.

— У меня конь быстрый. Приходи часам к трем. Живо докатим.

Тут подошел и затараторил Калюкин: Кирюшка не успел ответить ни да ни нет и решил, что потом будет видно, с кем ехать.

— Значит к трем часам! — предупредил Калюкин.— А если зачем-нибудь понадоблюсь, то я на базе буду. Вон на горке красный сарай. Там на складе спросишь.

Они ушли, и Кирюшка остался один.

●

Заложив руки в карман, Кирюшка неторопливо протискивался через ярмарочную толпу. Со столба хрипло и невнятно орало радио. На возах выезжали поросята и гоготали связанные гуси. Взобравшись на сколоченный из фанеры автомобиль, какой-то дяденька громко убеждал покупать билеты Автодора.

Возле карусели уже толпились нетерпеливые ребятишки. Но карусель еще не вертелась, потому что куда-то запропастился музыкант, а без музыки никто не садился.

Сначала Кирюшке было нескучно. Но, прошатавшись с час, он почувствовал, что ему и не очень-то весело.

Он повертелся. Купил в палатке стакан орехов. С трудом осилил целую бутылку клюквенного квасу, остановился и задумался.

Повсюду шныряли ребятишки, они сталкивались, о чем-то советовались, спорили и опять разбегались.

И только Кирюшка стоял один, никому ненужный и незнакомый.

Он подошел к добродушному парнишке, который, сидя возле телеги, караулил мерку картофеля и оранжевого петуха, хотел заговорить и предложить орехов. Но паренек этот, очевидно, заподозрил в Кирюшке жулика и так сердито насупился, что, глубоко оскорбленный, Кирюшка поспешно отошел прочь.

Тогда, вспомнив о своих поручениях, Кирюшка решил разыскать для Любки полметра тесемки, а Калюкихе иголки.

Но, к великому огорчению, разыскивать не пришлось.

Тесьмы во всех палатках было сколько угодно, иголок тоже.

«Плохо, когда один — и нет никого. То ли дело с товарищами», — размышлял Кирюшка.

С досады он выпил через силу еще стакан морсу и лениво побрел покупать марку.

На почте была толкучка. Кирюшка стал в очередь и вдруг увидел Фигурана. Кирюшка до того растерялся, что выронил из рук двугривенный, и монета исчезла где-то среди чужих калош, ботинок, лаптей и сапог.

Фигуран сидел к Кирюшке спиной и, склонившись над столом, что-то писал.

Лукаво улыбнувшись, немножко рассерженный на обманщика, но больше обрадованный, Кирюшка заглянул через плечо и увидел, что Фигуран надписывает почтовый перевод на двадцать пять рублей.

Почуяв за собой постороннего, Фигуран обернулся, сдернул переводной бланк и взглянул на Кирюшку с такой злобой, будто бы Кирюшка был вор, негодяй, жулик, а не товарищ.

— Ты что? Тебе что тут?

— А ты что? — обозлился Кирюшка.— Сам на рыбалку звал, а сам сюда. Карусели, сказал, нет, а карусель есть. Сам ты жулик и врун.

— А ты кто? Ты тоже врун,— рассмеялся Фигуран.—Выходит, что один Степашка—честный человек. Попер дурак на рыбалку. Ты думаешь, это я на тебя крикнул,— уже дружелюбней об'яснил Фигуран.— Я слышу, кто-то сзади подкрался... Может быть, и, правда, жулик. Ты зачем пришел? За маркой? Стало быть, в очередь, а я скоренько. Это дед одному человеку в Тулу посылает. А потом побежим на ярмарку... У тебя деньги есть? Хорошо! И у меня трешница. То-то будет весело.

Не очень-то поверил про деда Кирюшка, так как успел он разглядеть на бланке, что не в Тулу вовсе, а в Моршанск. Но до этого ему не было дела: хоть в Америку! И обрадованный тем, что ссориться не из-за чего, он проворно затесался в очередь.

Вдвоем оказалось куда веселее.

А тут еще, пробираясь мимо возов овощного ряда, они наткнулись на Степашку.

Этот проклятый врунишка, Степашка, тоже, вместо того чтобы быть на рыбалке, сидя на возу, посматривал вниз так гордо, как будто бы сидел он не возле кадки с капустой и солеными огурцами, а охранял несметные и невиданные сокровища.

Через минуту, подскакивая и задирая встречных мальчишек, три друга мчались к карусели, откуда уже доносились шумный звон бубна и веселая музыка.

Под гром буденновского марша лихо понеслись они на крутогривых конях.

Плохо ли трем мальчуганам в солнечный день вдали от дома, на бойкой ярмарке!

Под гром буденновского марша лихо понеслись они на крутогривых конях.

Горбатый Фигуран, подбоченясь, сидел орлом — ну прямо герой Котовский! С Кирюшки слетела на скаку шапка. А вообразивший себя казаком-джигитом, Степашка вертелся в седле, как будто его посадили на горячую плиту.

Потом сбегали в тир.

Дважды убил Кирюшка толстомордого генерала. Крепко расправился Степашка с хищным тигром. И, наконец, метко бабахнул Фигуран по самому главному буржую—и свесил буржуй гнусную голову на свои набитые золотом мешки.

Потом захотелось есть, и они прошли в столовую. Как заправские гуляки они заняли с краю отдельный столик, заказали на троих тарелку щей, шесть стаканов чаю и бутылку сладкого шипучего лимонаду.

Сидели долго. Уже несколько раз обертывался Кирюшка: «Не пора ли?» Но часы на глаза не попадались, а тут еще пришли слепые баянисты. И хорошо, что турнул ребятишек официант, чтобы они зря не занимали столик.

Расторговавшийся степашкин дяденька уже нетерпеливо поджидал запропастившегося племянника. Ярмарка быстро пустела.

— Поедем с нами, — предложил Фигурану Кирюшка. — Калюкин добрый: он и тебя подсадит.

Они побежали в гору, но на базе им сказали, что Калюкин уже уехал.

Кирюшка спросил:

— Сколько времени?

Оказалось, что уже половина четвертого; как же так уже половина четвертого, когда еще совсем недавно было утро?

Помчались к «Дому колхозника», но там узнали, что и Сулин тоже только что уехал.

Кирюшка пал духом. Конечно, Калюкин решил, что Кирюшка поехал с Сулиным. А недождавшийся Сулин понадеялся, что Кирюшка с Калюкиным.

— Айда! — предложил Фигуран. — Мы догоним.

— Пешком-то?

— Пешком догоним. Они по тракту, а мы возьмем по тропке, прямо через кладбище, через овраг. Нам версты три, а им верст восемь. Как раз поспеем. Еще дожидаться придется.

Через полчаса ребята поднялись на бугор. Дорога в Малаховку пролегала вдоль опушки. Но, насколько хватало глаза, ни позади, ни впереди подвод не было.

— Говорил я тебе, дожидаться придется, — сказал Фигуран и лег на охапку теплой сухой травы.

— А может быть, уже проспали?

— Садись. Никуда не проспали. На автомобилях что ли?

Фигуран лежал и, чуть улыбаясь, смотрел в небо, как будто бы видел там что-то интересное.

Кирюшка тоже задрал голову, но ничего, кроме голубого, на небе не увидел.

— Ты чего, Фигуран?

— Что чего? Ничего!

— Ну, ничего, — а все-таки?—Фигуран повернулся на бок и спросил:

— А что, Кирюшка, если бы ты был богатым, что бы ты сделал?

— Я бы не был богатым, — отказался Кирюшка.— На что мне богатство? Я и так работать буду.

— А я вот не могу работать. Какой из горбатого работник? Если бы я был правителем, я бы всех горбатых велел утопить. Какой с них толк: ни землю пахать, ни на аэроплане летать, ни в Красную армию... Человек должен быть прямой, а не скрюченный... Обязательно всех, всех велел бы в речку покидать,—уже со злобой докончил Фигуран и пристально посмотрел в глаза Кирюшке...

— Тебя бы в сумасшедший дом посадили, — убежденно ответил Кирюшка.—У нас на заводе тоже был один истопник, так он разделся голый, залез в бочонок с мазутом и поет, поет. Взяли его тогда и посадили.

— Дурак ты! — и рассердился и рассмеялся Фигуран.—Ему про одно, а он про... бочку.

— Ничего не дурак! — спокойно ответил Кирюшка и еще убежденнее заговорил:—А вот у нас на заводе Шамарин — техник, тоже горбатый, а ему пятьсот рублей премии дали, орден да в парке статую с него слепили. Так прямо горбатого и поставили, как живой... смеется. Он американский станок в слесарном поставил: никто не смог, а он смог. Что же, значит, по-твоему, и его утопить?.. Это пусть лучше буржуи тонут или лодыри, а рабочему человеку зачем? Он горбатый, а у него дочка не горбатая... Валька. У нас есть безрукий один—буденновец, и все его уважают: и директор, и Бутаков. Это у буржуев так: им не жалко. На что им такой, когда у них здоровенные не жравши ходят. Я все читал. У меня в школе за всю зиму ни одного неуда не было, и только раз из класса за дверь выставили. Да и то понапрасну. Он думал, что это я Мишке Мешкову на затылок плюнул, но это вовсе не я, а Ванька Хомяков. А я только сидел сзади, подтолконул и говорю: «Посмотри-ка, Мишка, у тебя на затылке плюнуто».

Все это Кирюшка выпалил с азартом, и сам очень довольный горделиво глянул на Фигурана.

Оттого ли, что было так солнечно и тихо, что почти торжественно звенели невидимые, будто прозрачные, жаворонки, что пахло на земле первой травой, смолистыми почками, теплой весной, Фигуран вдруг как-то размягчился.

Сбежала прочь постоянно недоверчивая усмешка, и он улыбнулся просто как все люди.

— Учиться нужно,—сказал Фигуран.—Я сам знаю. Мать у меня—прачка в Моршанске. Хорошо мы жили. Она да я—двое. Потом спину зашибло — давно в больнице лежит, второй год. Теперь пишет: скоро выздоровеет. Уйду я скоро отсюда, Кирюшка, — сознался Фигуран.—Обворую деда и уйду.

— Разве же можно обворовывать? — смутился Кирюшка. — Вот у Калюкина из амбара два мешка стянули... это разве хорошо?

— Сравнил попа с кобылой! — грубо ответил оскорбленный Фигуран. — Белобандит я, что ли: то амбар, а то дед. Все равно он мне ничего за работу не платит.—Фигуран отвернулся. Внимание их теперь было привлечено вышедшим из лесу одиноким человеком. Человек стоял далеко, и разглядеть его было трудно.

Вдали, на горке, показалась трусившая рысцой подвода. Человек отошел в сторонку и сел за кустом на пенек.

— Сулин едет! — воскликнул Кирюшка. — Это его лошадь белая. Побежим навстречу.

С пригорка ребята ясно видели Сулина и незнакомого человека.

— На что? Сам под'едет. Давай ляжем, будто бы нас и нет вовсе.

Подвода приближалась. Вон проехала она через мосток, миновала разбитую березу, поровнялась с кустом и сразу остановилась перед заграждавшим ей дорогу человеком.

Видно было, как Сулин соскочил с телеги и развел руками.

О чем-то они долго разговаривали, и, как показалось Кирюшке, Сулин ругался.

На горизонте показалась вторая подвода. Сулин оглянулся, оттолкнул незнакомца и вскочил на телегу.

Человек что-то крикнул, погрозив Сулину кулаком, Сулин опять спрыгнул и, схватив коня под уздцы, круто свернул в лес.

Озадаченные ребята переглянулись и, выскочив из засады, помчались вдогонку.

Конец второй части

Арк. Гайдар занят сейчас переделкой третьей и последней части,—поэтому она будет напечатана позже. Ребята, писатель ждет ваших пожеланий и советов. Как должна закончиться повесть? Что будет с Фигураном. Кто открыл дверь в церкви? Что за незнакомец повстречался с Сулиным? Арк. Гайдар и редакция ждут ваших писем.

В туннеле под землей

С проходчиками и кессонщиками спустился под землю писатель Степан Злобин, автор „Салавата Юлаева" и „Здесь дан старт". Вместе с другими писателями он будет писать историю московского метрополитена.

Под землей он узнал много нового для себя и для читателей „Пионера". Мы попросили его рассказать об этом.

Попробуй в мокром песке вырыть колодезь

Давлением воздуха в бутылке вытесняет воду из песка.

Песочные часы.

«Впереди показался оазис. Верблюд с ревом пустился бежать к нему, так что ослабевший Гуссейн едва мог держаться на спине животного. Но колодезь под пальмами был сух. В отчаянии сполз Гуссейн со спины верблюда, потрескавшимися губами шептал он проклятия сухой земле. Он упал ниц под корни пальмы, прикрыв ладонями пылающее лицо. Верблюд стоял понуро и недвижимо... Плотно прижавшись к земле, Гуссейн ощутил на руке холод. Он вздрогнул, вскочил и ногтями стал разрывать холодный влажный песок. Из-под ногтей показалась кровь. Через несколько минут вырытая ямка стала на глазах Гуссейна наполняться водой.

— Вода! — прошептал он. Он наклонился к яме и приник губами к воде».

Так писали не раз о бедствующих путниках пустынь.

Попробуй сам в мокром песке вырыть колодезь. Во-первых, он тотчас наполнится водой, во-вторых, стенки его осыплются.

Отрежь у бутылки дно, вставь ее в мокрый песок до половины. На горлышко надень резиновую трубку. Теперь надувай ртом воздух через трубку. Давление воздуха в бутылке увеличилось, и песок под бутылкой высох: воду из него вытеснил сжатый воздух.

Если бы ты мог влезть в эту бутылку, ты мог бы копать свой колодезь в сухом песке, и пока давление воздуха больше атмосферного, вода не наполняла бы колодца.

Из нашей бутылки мы сделали водолазный колокол. Такой колокол иногда опускают не на дно моря, а в глубь земли. Он называется кессоном.

Степан Злобин.

Путнику пустыни нужно было, чтобы вода заполнила ямку, а метрострою нужны сухие крепкостенные колодцы-шахты. На московском Метрострое кессон употребляют для проходки шахт в «плывунах».

Плывуны — это плывучие пески с водой. Подземная вода — главный враг подземных строителей.

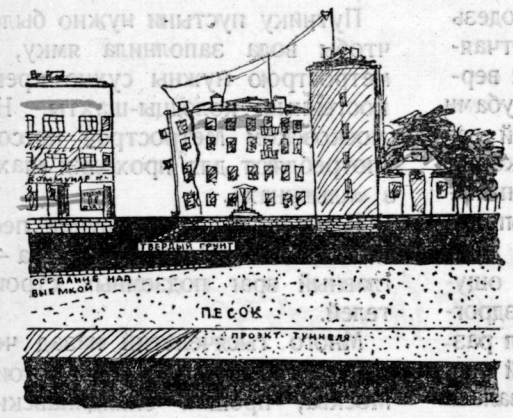
Много тысячелетий назад через те места, где теперь стоит Москва, прошли скандинавские ледники. Они ползли с северо-запада огромными ледяными потоками, покрывающими тысячи километров. Тысячелетиями оставались на их месте следы в виде рек и озер. На месте Москвы протекали двадцать две речушки, речки и реки. Потому и теперь в грунтах Москвы встречаются мощные пласты плывунов — подземные остатки прежних рек.

Для того чтобы производить работы в плывунах, в них устанавливают кессоны. Воздух в кессоне сжат до давления около двух атмосфер. Это давление вытесняет воду из-под кессона. Остаются сухие грунты. Грунт выбирают наверх, а стены колодца укрепляют бетоном. Потом кессон опускают глубже: вода уже не прорвет бетонированных стен.

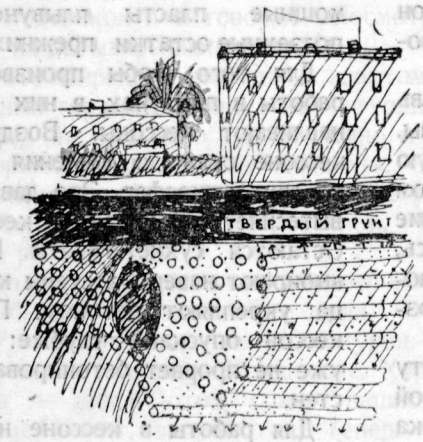
Для работы в кессоне нужны особо крепкие, здоровые люди. Чтобы работать в кессоне, рабочий проходит осмотр почти десятка врачей: нужны здоровое сердце, дыхание, слух, зрение, опасен даже простой насморк.

Перед спуском в кессон человек проходит обязательную под-

Расположение замораживающих труб в грунте.



Когда нужна „силикатизация" песков.



Так расположены трубы.

готовку в особом прикамерке, смежном с кессоном. Здесь в течение нескольких минут постепенно увеличивают давление воздуха.

При выходе из кессонной камеры так же нужно в прикамерке несколько минут «приучать» организм к существованию в нормальном атмосферном давлении. Старые кессонщики никогда не нарушают этого правила.

На Метрострое был случай, когда один инженер поторопился наверх и вышел почти без подготовки. Он дорого поплатился за это: воздух, находившийся в его организме, был еще под слишком сильным давлением. Давление снаружи оказалось слабее. Кессон оказался теперь внутри человека. Сжатый воздух стал вытеснять кровь из организма как воду из песка. Кровь хлынула из горла, носа и ушей. Человек надолго выбыл из строя.

Есть еще и другой способ борьбы с плывунами—замораживание. Замораживанием главным образом будут пройдены на московском метро наклонные эскалаторные ходы, т. е. выемки для пассажирских лестниц. Эта работа проделывается так: в землю наклоном в 30 градусов прессами вгоняется по трубам на глубину до 40—50 метров особый холодящий рассол, 20 градусов мороза сковывают льдом плывуны. Трубы располагаются так, что ледяная «рубашка» охватывает кругом место, подлежащее выемке. Из «рубашки» вынимают породу, а стены закрепляют бетоном. Но бетон не может застыть при низких температурах. Придумали сквозь бетон пропустить железные электроды и электронагревом довести бетон до + 60 градусов. Горячий бетон «охватывается» настолько быстро, что ему уже нестрашна вода оттаивающих плывунов. Но страшно другое: стихийное оттаивание может изменить стены. Для регулировки оттаивания применяется снова искусственный способ: под бетон вводят тот же самый хлористый кальций, который сначала служил для замораживания.

Кто из вас знает такой прибор—песочные часы?

Устройство песочных часов основано на том, что сухой песок способен «течь» как вода, если под ним, внизу, пустое пространство.

Сухие пески представляют собой для проходки шахт не меньшую трудность чем плывуны.

Слежавшиеся пласты сухих песков держат на себе другие породы, но как только начнешь вынимать в песке туннель, так сразу верхняя часть пласта оседает, и пустота образуется в верхней части пласта. Если же над этим местом стоит здание, мост или проходит полотно железной дороги, то под давлением тяжести должен осесть и твердый пласт: не будет ни туннеля, ни здания, ни полотна.

Как же быть?

Кессон?

Но кессоном сухой песок не одолеешь. Заморозить? Но сухой песок будет сыпаться одинаково в холоде и тепле.

Чтобы одолеть сухой песок, его надо превратить в камень. Способ окаменять пески известен в Германии. Метрострой предложил германским капиталистам продать нам их патент на этот способ. Предприниматели почуяли выгодное дело. Они отказались продать секрет и предложили для этих работ своих людей со своими приборами. Цену они установили в 15 руб. золотом за один кубический метр окаменелого песка.

Тогда за это дело взялись советские изобретатели, наши лаборатории, и через короткий срок нашли способ окаменять песок. Метрострою свой способ обходится в 30—40 раз дешевле чем способ, предложенный немцами, а советское золото сохраняется на другие нужды.

Способ этот называется «силикатизацией».

Делается это так:

В песок огромным «шприцем», в метр длиной, производится «впрыскивание» жидкого стекла и хлористого кальция. Жидкости вводятся в песок через отверстия, расположенные в «шприце». В результате примерно на 0,5 метра радиусом получается вместо песка крепкий камень, который не распадается даже при долгом пребывании в воде.

В окаменелом же песке делать туннель очень просто.

Цветочные часы

Бабочки, мухи, жучки, осы, пчелы, шмели — самые разнообразные насекомые жужжат и вьются вокруг цветов. Цветы предлагают им убежище для выводка, временный кров и изысканную пищу ввиде цветня, меда и даже лепестков, но при этом они рассчитывают на взаимное одолжение. Цветы нагружают посетителей-насекомых своей пыльцой, которая переносится на рыльца других подобных цветов, опыляя их.

Посещение насекомых выгодно растениям, потому что оно сопровождается переносом пыльцы с цветка на цветок. Но, разумеется, слишком беспощадному уничтожению пыльцы должен быть положен предел. Большая часть пыльцы может быть пожертвована растениями для кормления личинок, но сколько-нибудь непременно должно остаться на теле посетителей, чтобы переправиться на рыльца других цветков. Растения прекрасно достигают этого тем, что вырабатывают большой избыток пыльцы, и не насекомые гибельны для нее: враг нежной пыльцы—вода, даже маленькая капелька росы угрожает растению. Пыльца должна быть хорошо защищена от вредного действия сырости.

Одно из лучших защитных средств от сырости — это то, что цветы на ночь закрываются. Лепестки складываются внутрь, загибаются, ложатся друг на друга, сдвигаются вместе. Раскрытый цветок как бы вновь сделался почкой.

Понятно, если растению приходится пользоваться посещением насекомых, то закрывшийся на ночь цветок должен вновь раскрыться, лишь только миновала опасность и насекомые вновь начали летать. Так оно на самом деле и бывает. Как только начинают свой полет насекомые, так раскрываются и цветы, по своему строению приноровленные к этим насекомым. Когда же насекомые прячутся в свои норы и вместе с тем наступает для пыльцы опасность, то и лепестки цветка начинают складываться над тычинками.

Это удивительное явление уже с давних пор обращало на себя внимание ботаников. Проницательный ученый Линней создал после многолетних наблюдений так называемые цветочные часы.

Он сгруппировал растения по тому времени, когда они раскрываются и закрываются, и нашел для каждого часа известное число видов, у которых как раз в это время происходит либо то либо другое. Если бы растения, цветы которых периодически закрываются и раскрываются, были посажены рядом на небольшом участке, то мы могли бы отсчитывать по ним время, как по настоящим часам.

Часы, которыми обозначал Линней моменты раскрывания и закрывания цветов, относятся только к ясным или более или менее ясным дням. Когда небо покрыто тучами, в дождь или в туман, цветы либо вовсе не раскрываются либо раскрываются только наполовину, так что цветочные часы нельзя считать очень точными часами. И все-таки это так интересно, что мы решили не только рассказать в журнале про цветочные часы, но и устроить их на одной из грядок в ботаническом саду.

На рисунке, который мы даем на следующей странице, для простоты каждый цветок изображен только в час своего раскрытия.

Начнем с утра. Первым цветком на заре, в три часа утра, открывается козлобородник луговой, за ним — цикорий. Мак открывает свою чашечку в 5 часов. За ним одуванчик (6 час.) и кувшинки (7 час.). Ноготки—поздние цветы: они открываются в 9 час. утра, а красивый солнечник только к полудню раскрывает все свои лепестки. Закрываются все эти цветы тоже в разное время. И к пяти часам, когда открывается табак, первый из ночных цветов, все дневные и утренние цветы уже закрылись.

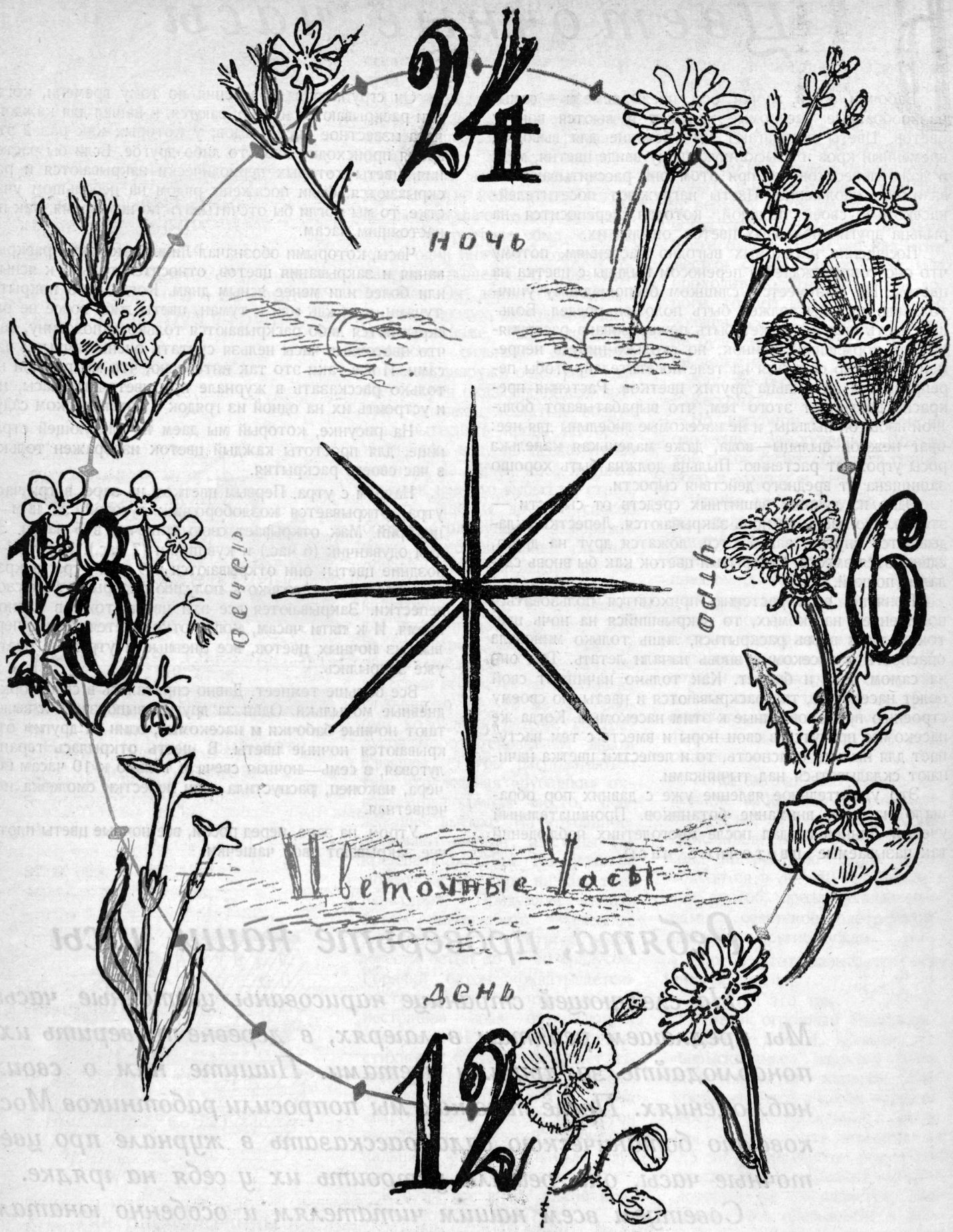
Все больше темнеет. Давно спрятались в свои норки дневные мотыльки. Один за другим выползают и вылетают ночные бабочки и насекомые, один за другим открываются ночные цветы. В шесть открылась герань луговая, в семь—ночная свеча и только к 10 часам вечера, наконец, распустила свои лепестки смолевка ночецветная.

Утром, на заре, перед росой, все ночные цветы плотнее закрывают свои чашечки.

Ребята, проверьте наши часы

На следующей странице нарисованы цветочные часы. Мы предлагаем ребятам в лагерях, в деревне проверить их, понаблюдайте за другими цветами. Пишите нам о своих наблюдениях. После того как мы попросили работников Московского ботанического сада рассказать в журнале про цветочные часы, они решили устроить их у себя на грядке.

Советуем всем нашим читателям и особенно юнатам устроить такие часы в лагере, на площадке или просто около дома.



Это суточный циферблат цветочных часов.

БИОСКОП

ИЛИ СООБЩЕНИЯ ИНЖ. ГИДРОЛЮБОВА О ВЕЩАХ МЕЛКИХ И КРУПНЫХ, ВИДИМЫХ И НЕВИДИМЫХ, ОТДАЛЕННЫХ И БЛИЗКИХ, ИЗВЕСТНЫХ И НЕИЗВЕСТНЫХ

●

В Африке больших жуков негритянские мальчики привязывают за ниточку и таскают за собой по улице.

●

В Японии водятся сверчки, которые поют необычайно приятно. Этих сверчков многие японцы специально вскармливают и держат даже в особых маленьких клетках как птичек.

●

В хорошую погоду стрекотание кузнечика слышно за целый километр.

●

Муха плавает плохо. В воде она очень скоро «захлебывается» и тонет.

Если вскоре после того, как муха утонула, достать ее из воды и положить на сухое место, муха все равно не оживет. Но стоит только насыпать на нее теплый папиросный пепел, как она сейчас же начнет двигаться. После третьей или четвертой порции пепла муха встрепенется и улетит.

Происходит это вот почему.

В увеличительное стекло можно разглядеть на теле мухи несколько маленьких отверстий. Эти отверстия — не что иное, как концы тех трубочек, которыми дышет муха. Когда муха тонет, все ее дыхательные трубочки наполняются водой, и муха захлебывается.

Теплый пепел вытягивает из трубочек всю воду, туда опять попадает воздух, муха начинает дышать и оживает.

●

Все белые кошки с голубыми глазами обязательно глухи.

Впервые это отметил Чарльз Дарвин в своей книге «Происхождение видов».

●

Иногда бывает очень трудно определить, чем издают звуки насекомые: ногами, крыльями, усиками, головой и т. п.

Один ученый никак не мог понять, какими органами производит треск пойманный им в лесу жук. Треск этот, по его словам, был похож на тот звук, который получает-

Цена 25 коп.

20663

ся, если потереть небритым подбородком о твердый воротник.

Как ни следил за жуком ученый, ему ничего не удавалось подметить.

Наконец, он придумал. Он начал смазывать жука маслом в различных местах до тех пор, пока треск не прекратился. Оказалось, что жук производил звуки особыми щетинками, которые помещались у него на голове.

●

Очень любопытным способом производит звуки жук-часовщик. Он просто-напросто колотит своей головой по дереву.

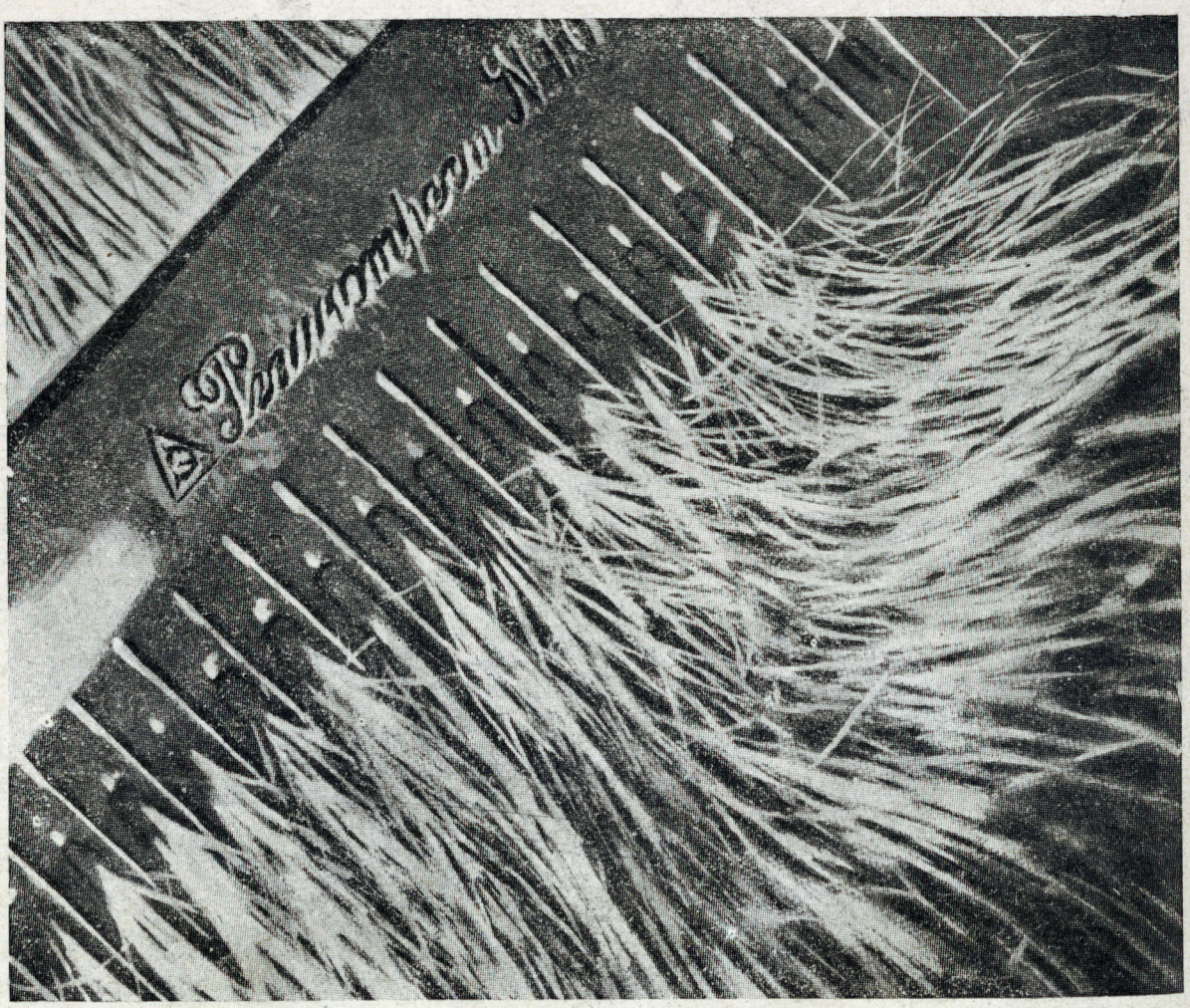
●

Если бы револьвер выстрелил на дне океана на глубине четырех километров, пуля никуда бы не полетела, а осталась бы в револьвере.

ЗОРКИЙ ГЛАЗ

ЧТО ЭТО ТАКОЕ

если в № 8 сняты: гречневая крупа, пшено, рис, горох и фасоль?



Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдано в набор 27/V—34 г., подписано к печати 2/VII—34 г. Изд. № 674 Формат $1\frac{1}{2}$ 62×94 см. $1\frac{1}{2}$ б. л. 135.009 п. зн. в. бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—84500 Типография газеты „Правда“, Москва, ул. Горького, 48. Заказ № 1869. Тираж 50.000.